

ТРЕЙСИ ВУЛЬФФ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ *NEW YORK TIMES*

ИСПЫТАЙ МЕНЯ ВОЗБУЖДЕНИЕМ

ЛЮБОВНЫЕ РОМАНЫ • КНИГИ О ЛЮБВИ

1

Меня зовут Ария Уинстон. Я отчаянно боролась, чтобы избежать тёмной стороны Лас-Вегаса. Теперь я сама по себе – контролирую свою собственную жизнь и свою собственную судьбу... так, как нравится мне. Пока Себастьян Кейн не меняет всё. Работа официантки в одном из лучших пятизвездочных казино Вегаса означает, что нужно терпеть тонны неуважения от богатых толстосумов. Но она оплачивает счета, и это всё, что важно для Арии, которая нуждается в каждом долларе, чтобы убежать от разрушительного гнёта своего отца и жестокого мужчины, за которого он рассчитывает выдать ее замуж. Когда девушка срывается на миллиардера, который не принимает в ответ "нет", то теряет почти всё... до тех пор, пока не приходит Себастьян – сын и наследник владельца казино. Опасный, сексуальный, и добрый мужчина, каким не должен быть очередной богач. И когда Себастьян извиняется перед ней и предлагает сохранить работу, Ария ничего не можешь поделаться – её тело страстно его желает. Проблема с работой неожиданно решена, но это не единственное, чего хочет Ария. "Испытай меня" – это горячая эротическая серия книг, которая предназначена для зрелой категории читателей.

Глава 1

Ария

Лас-Вегас, Невада

Киты принадлежат океану, а не казино. Но, по моему опыту, встретить их проще именно в последнем, чем найти в первом. Сдружиться с покерным столом, столом для игры в крэпс, или рулетку, нализаться “Лагавулина” (прим. пер.: Lagavulin — марка шотландского односолодового виски) и полапать каждую симпатичную девушку, которая проходит мимо.

Опять же, я живу в Вегасе и в настоящее время работаю в “Атлантик” на бульваре Стрип. Где ещё, чёрт побери, можно увидеть других китов, чем не прямо здесь, на моём собственном заднем дворе?

Сегодня это место кишмя кишит богатыми людьми, разбрасывающими вокруг себя тысячедолларовые фишки как конфетти, и возвращая обратно тысячи долларов в виде бесплатного ликёра. Я хочу сказать, что это необычное явление, но абсолютная правда. Это моя жизнь. Теперь уже некоторое время.

Это иная сторона казино, отличающаяся от вашего представления о типичном Вегасе, она наполнена костюмами за десятки тысяч долларов и ставками из десятков миллионов. Воздух наполнен звуками, запахами и ощущением денег. Что на самом деле приводит к гораздо более высокому доходу, чем чистка полов и чаевых, в которых я реально нуждаюсь. Всё, что я должна сделать, чтобы заработать — это игнорировать их и тот факт, что Киты по другую сторону бархатного каната имеют очень длинные руки. И у меня чрезмерно развито чувство самосохранения.

— Мне нужны “Лагавулин” на два пальца, “Бельведер” (прим. пер.: Belvedere — марка польской водки) с клюквой, ещё “Нолет Резерв” (прим. пер.: Nolet’s Reserve — марка голландского джина) с тоником и рюмку “Патрон Сильвер”, (прим. пер.: Patron Silver —

марка мексиканской текилы) — говорю я Майклу, сегодняшнему бармену, пока забираю разбавленный “Мартини” и пару “Мохито”, сделанных из первоклассной выпивки.

Он кивает и, не сбавляя ритма, смешивает “Маргариту” (прим. пер.: Маргарита — коктейль на основе текилы, ликера и содовой) в одной руке, и добавляет “коку” поверх ликера другой.

И тогда я снова иду обратно к высоким столам, балансируя на четырехдюймовых шпильках, потому что мой начальник настаивает на том, чтобы их носили все официантки. Меня не напрягает, что они такие высокие; научиться ходить в туфлях “Лабутен” являлось необходимым курсом обучения в доме, где я выросла, но после семи часов подряд, проведённых на ногах, даже мои закалённые ноги начинают ныть.

Наверное, по большей части я не я, когда терплю Кита Номер Один — японского бизнесмена, который только что прилетел из Токио, раздражающе перемещающего руку по моей заднице вниз на полуголые бедра.

Я оборачиваюсь и стреляю в него взглядом, и он, претворяясь, вскидывает руки в жесте капитуляции.

— Могу ли я принести вам что-нибудь ещё? — понижая голос, сладко спрашиваю у него и подумать только, спокойно. Как показывает мой опыт, у таких парней имеются проблемы с поддержанием образа развратника, когда они смотрят тебе прямо в глаза. Этот урок я узнала от своей матери много лет назад: богатый мужчина будет проявлять к вам уважение, только если вы его потребуете.

Даже если вы за ним замужем. Или, может быть, особенно тогда.

Но это уже другая история в миллионах миров от того места, где я сейчас. Слава Богу. Сегодня больше всего мне приходится беспокоиться о мужчинах, которым слишком сильно нравится мой зад.

— Ещё один “Лагавулин”, Ария, — говорит он мне, в его английском отчётливо слышен акцент.

— Конечно, сэр. Я вернусь с ним через минуту.

На этот раз, когда я отворачиваюсь, моя задница остаётся без внимания.

Я подношу “Мохито” Киту Номер Два и идиотской блондинке, моложе его лет на сорок, которая в настоящее время украшает руку мужчины. Он бросает пятидесяти долларовую фишку на мой поднос, и я благодарна ему за чаевые, подбадривая себя прежде, чем поставить разбавленный водкой “Мартини”. Переходим к Киту Номер Три — российскому миллиардеру, и он настоящий придурок. Парень находится здесь всего час и у меня уже есть больше, чем один синяк на заднице от его нежелательных ухаживаний.

— Вот ваш разбавленный “Мартини” с тремя оливками, — говорю ему с натянутой улыбкой, когда ставлю перед ним бокал. Я забочусь, чтобы держать свои тело и задницу под углом подальше от него, но почему-то ублюдох в любом случае улучшает момент, чтобы меня ущипнуть. Стискиваю зубы и считаю назад от десяти, пока напоминаю себе все причины, почему прибить его — плохая идея. Начиная с того, что мне действительно нужна эта работа. — Могу ли я принести вам что-нибудь ещё?

Я проделываю трюк со взглядом, но этот парень один из самых редких и самых худших придурков. Он смотрит мне прямо в глаза, и бл*дь, ощупывает меня снова. В этот момент я в ярости, рука зудит от желания сжаться в кулак, и врезать ему по лицу. Он выглядел бы намного лучше со сломанным носом. Или отсутствующим зубом, или двумя.

Однако я не выглядела бы так же хорошо, если бы жила на улице, и сейчас,

единственное, что стоит между мной и тотальной бедностью — это работа. Не совсем так я представляла свою жизнь, когда окончила “Вассар” (прим. пер.: Vassar College — частный гуманитарный колледж, в городе Паукипси, Нью-Йорк) став лучшей на всем потоке, но я поняла давным-давно, что в действительности у нищих нет выбора.

Впрочем, сейчас либо это, либо ползти домой к папочке с опущенной головой и поджатым хвостом. И поскольку, этого не произойдёт, я буду только улыбаться и терпеть. Может, я не в состоянии контролировать этого парня и то, то он делает, но чертовски уверена, что могу регулировать и обеспечивать свою жизнь. И это включает в себя не уступать своему нраву, независимо от того, насколько меня провоцируют.

Кроме того, моя смена почти закончилась. Я могу справиться с чем угодно, даже с потерей контроля, который включает в себя эту работу, так как конец уже близок. Мне знакомо это давным-давно из собственного горького опыта.

— Как насчёт свидания сегодня вечером? — говорит он, пока его тёплая, слегка вспотевшая ладонь скользит по моей руке. Это всё, что я могу вынести, чтобы не содрогнуться от отвращения.

— Казино не одобряет близкие отношения между сотрудниками и клиентами. Но я буду рада принести вам ещё выпить или меню, если вы голодны.

— Что казино не знает, не причинит нам вреда, — его ладонь продолжает скользить вверх по моей руке и спине, а пальцы прижимаются к моей груди, прямо к соску. — Когда ты освободишься? — он с улыбкой смотрит на собственные инсинуации.

Поверх головы мужчины я встречаюсь глазами с дилером, и Джейк ускоряет раздачу. Лицо крупье ничего не выражает, но я вижу отвращение в его взгляде, которое он умело маскирует, и делаю то же самое.

— Я буду ещё работать достаточно долгое время, — говорю русскому, спокойно вытаскивая себя из его объятий. — Просто дайте мне знать, если вам что-нибудь понадобится.

Я натянуто улыбаюсь, когда он бросает фишку на мой поднос — двадцать один доллар, но не могу заставить себя сказать “спасибо”. Вместо этого я киваю в знак признательности и скрываюсь в потоке людей за пределами каната, маскируюсь среди игроков. И только после того, как отхожу на несколько шагов, позволяю себе с облегчением вздохнуть.

Я беру ещё парочку заказов и приношу их к Майклу, когда приходит время разносить мой последний раунд напитков. И тогда я ухожу, делая ещё один круг вокруг столов. Сегодня эта половина круга картёжников, ведёт себя намного лучше. До тех пор, пока ты не возражаешь против долгих взглядов и парочки шлепков по заднице.

“Это не навсегда”, - напоминаю я себе, когда игнорирую то, как мистер Бенсон скользит своей рукой по внутренней стороне моей. Он берёт свой “Джонни Уокер Блэк” (прим. пер.: Johnnie Walker Black — марка шотландского скотча) со льдом и бросает двадцатидолларовую купюру на мой поднос в знак признательности. Я кладу её в карман и любезно его благодарю.

Следующая остановка — это покерный стол. Бай-ин (прим. пер.: Buy-in — минимальная сумма капитала, для входа за стол и начала игры) — сегодня ночью он большой, пятьдесят тысяч, и все места заняты. Я подталкиваю “Бельведер” с клюквой миссис Дженкинс, “Нолет Резерв” и тоник сидящему рядом мистеру Дэвису и ставлю шот “Патрон Сильвер” рядом с мистером Сервантесом. Я повторяю их заказ, не дожидаясь чаевых — три часа раздачи им напитков, уже научил меня, что нужно войти и выйти как можно быстрее.

Когда я возвращаюсь в бар, то замечаю Кита Номер Три — русского парня, пристающего к какой-то девушке, которая забрела в элитное казино. Она двигается возбуждающе, вероятно, планируя выловить себе крупную рыбёшку, но, даже отсюда можно сказать одно — улов будет совсем не из её лиги.

Проклятие.

Спешу обратно в бар забрать мой заказ на напитки и срываюсь с места в этом направлении. Последнее, что я хочу делать — это начинать очередной разговор с этим парнем, но его рука обёрнута вокруг талии девушки и могу сказать, если судить потому, как она выкручивается, и гримасе на её лице, что он делает ей больно.

По пути сюда, я нахожу одного из охранников, кивая в их сторону. Он смотрит, но потом пожимает плечами, как будто понятия не имеет, каких действий я от него ожидаю.

Дерьмо. Я так устала от этого богатого мужского клуба для стариков, где мужчины могут делать, что, чёрт возьми, они хотят, пока платят деньги. Поразительно, как умышленное неведение и сексуальные домогательства можно купить за пару миллионов долларов.

У меня нет другого выбора, кроме как смотреть на Кита и его неудачный выбор на ночь.

— Вот ваш напиток, — говорю я ему и ставлю стакан на стол громче положенного. — Принести вам что-нибудь ещё?

Русский даже не смотрит на меня, своей свободной рукой он удерживает девушку за бедра под её платьем; на ней слишком много косметики, а глаза умоляют меня сделать хоть что-то, пока она сама пытается отодвинуться от него подальше, хотя бы на дюйм. На секунду заглядываю в глаза красотки и вспоминаю, что это я виновата в том, что сейчас происходит.

Чёрт возьми. Нельзя вмешиваться. Не сейчас, я достаточно умна, чтобы понимать, что хорошо это для меня не закончится. Но, в то же время, я не могу оставить бедняжку с этим парнем здесь, или ещё где-либо. Не тогда, когда ей так явно неприятно.

Я незаметно ей киваю, затем отправлюсь обратно к охраннику. Мэнни, думаю, его зовут так.

— Слушай, ты должен вмешаться. Этот парень совершенно точно пересёк все границы, — киваю я в сторону русского.

Взгляд Мэнни устремляется в том направлении, куда я указываю.

— Она не выглядит так, будто просит о помощи.

— Ну, что же. Он почти насилует её. Вам нужно вмешаться.

— У меня строгие указания от мистера Кейна. Мы не будем вмешиваться в такие ситуации, и тем более не будем вмешиваться в дела клиента.

— Серьёзно? — я не жду его ответа. Не похоже, будто у него есть то, что может сделать меня счастливой, и вместо того, чтобы помешать, разношу, наконец, свои последние напитки.

Я не спускаю глаз с обоих, когда беру новые заказы и продолжаю разносить алкоголь. Пару раз девушка выглядела так, словно пыталась отойти от него, чтобы защититься, но оба раза он отказывался понимать намёк. В один прекрасный момент, она даже встала, чтобы уйти к другому столику, но он последовал за ней, а его рука начала скользить по её заднице, как некоторое время назад скользила по моей.

Стискиваю зубы, стараясь сказать себе, что это не моё дело. Если бы она действительно хотела, то могла бы просто встать и уйти из казино. В то же время, я не совсем уверена, что он не стал бы за ней следовать. Очевидно, девушка не рискует. Не правильно думать, что

пока она под присмотром, ей здесь безопаснее, чем возможная попытка уйти на свою собственную территорию. Защита не в количестве окружающих людей.

И всё-таки, я говорю себе держаться от всего подальше. Что это не моя забота. Что у меня есть достаточно проблем, происходящих прямо сейчас, даже не принимая на свой счёт эту. Мне нужно остановиться, чтобы пережить эти пятнадцать минут, и я просто опускаю голову вниз и игнорирую ситуацию.

И вот, я всё равно двигаюсь к той группе столов, и мне ничего не стоит остановиться и спросить, хочет ли он ещё выпить. Я так и делаю. И на этот раз вижу, как его рука скользит под подол платья девушки, и палец пробегается вдоль верхнего шва её чулок.

Бросаю взгляд на её лицо, а затем немного поднимаю свои брови. Она смотрит на меня умоляюще, прежде чем хватает руку мужчины и отталкивает его ногу. Конечно, он — подонок, и это его право, так что это лишь вопрос времени, когда его рука снова окажется там же и проберётся выше.

Я отворачиваюсь, решая заставить Мэнни помочь, чего бы мне это ни стоило. Но едва я делаю шаг или два, когда слышу её крик. Я оборачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как он сжимает девичью грудь.

— Мотай отсюда, — говорит мне парень и тяжело дышит. Но есть часть меня, которая знает, что это именно то, что я должна делать, если хочу сохранить работу.

Но я не могу этого сделать. Не когда Мэнни дважды отверг мою просьбу о помощи. И не когда знаю, что оставить девушку наедине с ним только приведёт к ещё худшим последствиям.

Наклоняюсь так, что русский не может ничего поделаться и говорю ему, пока он смотрит мне в глаза:

— Я смогаюсь, как только сделаю свою работу. Она явно не заинтересована.

— Что ты можешь знать? — парень высмеивает меня, закидывает свою руку на ногу девушки, и она снова вскрикивает, на этот раз от очевидной боли. Пара других игроков смотрят него, а один, даже, похоже, собирается вмешаться. Но один каменно-ледяной взгляд русского и они все вдруг снова заинтересованы своими картами. — Шлюхи, как она, всегда заинтересованы.

Мои глаза застилает красной пеленой, но я использую каждую унцию самоконтроля, потому что должна сдерживать свой голос, когда говорю:

— Пожалуйста, отпустите её.

— Или что? — он мельком смотрит на Мэнни, осматривая помещение дальше. — Ты натравишь на меня своего толстожопого охранника? Эта угроза меня не впечатляет.

Чтобы доказать свою точку зрения, русский скользит пальцем ещё выше под её платье.

Девушка вздрагивает, начиная отталкивать его руку.

— Прекрати, ты — маленькая сучка, — шипит он, и в отместку злобно сжимает её бедро. — Ты должна быть рада, что я ещё вожусь с тобой.

Это последняя капля.

— Вы что-то перепутали, — говорю ему я, когда разворачиваюсь с пустым подносом в другую сторону. — Вы не докучаете ей, вы её попросту пугаете.

— Ты и сама так подрабатываешь, маленькая шлюшка?

Оскорбления звучат прямо за моей спиной. Этот парень, получил известность из-за своего статуса, но я готова побороться за нашу посетительницу.

— Потому что она тоже клиент этого казино, и вы заставляете её чувствовать себя

неуютно.

— Я могу купить и продать это казино. Тебе не плохо бы помнить об этом.

Конечно, он может. Почему, ну, почему, итоги такой дискуссии всегда сводятся к остатку на банковских счетах? У меня нет ничего хорошего, чтобы сказать о жизни, которую я вела до того, как приехала сюда, но, по крайней мере, в моей семье и среди моих коллег, размер члена значит гораздо больше, чем, сколько нулей появится у него после того, как произнесут его имя.

Намеренно закатываю глаза, когда отвечаю ему:

— Как бы мне не хотелось быть впечатлённой вашей кредитной картой, но — нет. Так что отойди, девочка. Сейчас.

Он поднимает брови, недоверчиво глядя на меня, даже когда вся его рука исчезает под её юбкой. Я жду от неё хоть какую-нибудь реакцию, хоть какое-нибудь сопротивление, что она оттолкнёт его, хоть что-нибудь, кроме молчаливого восседания там с плещущимся ужасом в глазах, когда ей всё же удастся это стерпеть.

Блин. Он серьёзно нуждается в уроке как быть мужчиной.

Тот факт, что Кит, даже больше не смотрит на девушку, ничего не означает, ведь партия разыгрывается между нами двумя как между случайными прохожими, которые решают за неё. Если он обойдётся мной, я смогу победить. Но она, очевидно, не смогла бы, и, пытаюсь помочь, я делаю только хуже.

Это моё единственное объяснение тому, что происходит дальше. Ведь я собиралась быть тихой, когда шла сюда. Но когда русский наклоняется, его глаза прикованы ко мне, и парень оставляет языком длинную, мокрую полосу на щеке девушки, а нрав, над которым я работаю, так сложно удержать под контролем — вырывается.

И я бросаюсь на него с подносом в руках.

Глава 2

Себастьян

“Какого хрена я здесь делаю?”

Это вопрос я задаю себе, по крайней мере, пять раз в день, каждый день, с тех самых пор, как попал сюда и этот же вопрос я задаю себе сейчас, по крайней мере, на данный момент, и продолжу задавать по пять раз в день, каждый день, всю оставшуюся жизнь.

Эта удручающая мысль заставляет меня пройтись рукой по волосам и вступить в борьбу с желанием сбежать из этого кабинета, из этого казино, покидая этот чёртов город. Но это не вариант. Не для меня. Не сейчас. Неважно, насколько сильно я чувствую себя не в своей тарелке. Я хватаюсь за весь имеющийся у меня контроль, напоминая себе, что это было моё решение вернуться сюда. И находится здесь прямо сейчас, работать над улучшением второсортного казино и сохранить рабочие места всем, кто здесь работает.

Интерком на столе моего отца — моём столе, жужжит и его секретарь — мой секретарь, произносит:

— Себастьян, Тодд Уотерс ждёт уже пять минут.

Снова разрушая свой мозг, я пытаюсь вспомнить, кто, бл*дь, такой Тодд Уотерс. Я вернулся сюда через пять дней после того, как отсутствовал в течение десяти лет, и нет ничего, чтобы я помнил. Ни работников, ни казино, ни даже своего отца, который болен, став пустой оболочкой того человека, которым был раньше.

Не уверен, что это говорит обо мне, или о нём, и какая версия мне нравится больше.

— Впусти его, — говорю я Линде, отворачиваюсь от окна и двигаюсь назад к письменному столу. Никогда не думал, что мне придётся за ним сидеть. Стол, за которым я никогда не хотел сидеть.

В тот момент, когда Тодд входит в комнату, его привычное выражение лица возвращается на место. Главный менеджер дневной смены по урегулированию конфликтов с VIP-клиентами. У меня дерьмово с именами, но я никогда не забываю лица. Он один из сотни людей, которых я видел за последние несколько дней, но мужчина пришёлся мне по душе. Думаю, что Тодд не только компетентный сотрудник, но и не плохой парень.

— Я знаю, что вы ещё не освоились, — он начинает говорить ещё до того, как достигает моего стола, — и хотел бы дать вам несколько дополнительных дней, прежде чем начинать стучать в вашу дверь, но у нас такая ситуация, что мне кажется, либо вы, либо ваш отец, должны её уладить.

Мой отец не в той форме, чтобы улаживать любые разногласия, и мы оба это знаем. Став жертвой серии микро-инсультов в последние месяцы, ни его речь, ни его умственные способности не позволяют ему взяться за работу прямо сейчас. Особенно после последнего инцидента.

Который, конечно же, является основной причиной, почему я здесь, пытаюсь управлять казино, и не заинтересован в побеге, когда в действительности я бы предпочёл вернуться в Бостон и исполнять обязанности финансового директора одного из крупнейших детских благотворительных фондов в мире.

— Вот почему я здесь, — говорю я Тодду, жестом приглашая его сесть на один из стульев по другую сторону моего стола. Он садится, и не впервые с момента нахождения здесь, я поражаюсь тому, насколько мужчина меньше, чем стул моего отца. Нелепый кусок мебели объявляет психологическую войну, когда заставляет посетителей ощущать себя не в своей тарелке, но позволяет папаше чувствовать себя королём.

У меня нет времени или заинтересованности продемонстрировать силу подобным образом, хотя я и делаю мысленную пометку, чтобы стулья были заменены до конца дня. Вероятно, они не должны быть для меня главным приоритетом, не раньше просмотра книги с отчётами и осознания, как сильно моему отцу удалось развалить “Атлантик” в последние несколько лет, но хрен с ним. Я могу иметь больше, чем один приоритет.

— Что произошло? — спрашиваю я, после того, как мы с Тоддом садимся.

— Прошлой ночью произошёл инцидент с одним из Китов. Он и одна из официанток сцепились, и в итоге девчонка ударила его по яйцам подносом для напитков.

Ладно, должен признать — это что-то новенькое. По крайней мере, раньше я о таком не слышал. Некоторое время я смотрю на него в замешательстве, так как жду продолжения. Когда такового не следует, то, наконец, спрашиваю:

— Надеюсь, она вам сказала, почему так поступила? Он постоянно к ней придирался?

— Я не разговаривал с ней — это случилось в ночную смену, прежде чем я пришёл. Ну, наверное. Она настоящая красотка, поэтому получает шлепков больше, чем большинство других официанток. Но девушка всегда была довольно уравновешенной, до произошедшего инцидента прошлой ночью.

— Так почему она сорвалась, в таком случае?

— В том-то и дело, что я не знаю. Дэвид уволил её после этого и велел прийти сегодня, чтобы забрать чек с зарплатой, и на этом всё. Я даже не слышал о происшествии, пока Кит с

криками не позвонил мне. Я только что пережил с ним столкновение. Он очень зол и грозит подать в суд, если мы не компенсирует его физические и моральные страдания.

Я делаю всё, что могу, чтобы не закатить глаза.

— Его физические и моральные страдания?

Тодд поджимает губы, и мне кажется, что он старается не рассмеяться.

— Да.

— Разве мы не предоставили ему компенсацию? Бесплатный номер люкс, и всё остальное?

— Мы предоставили.

— Так кто этот парень? Чего он хочет? Если официантка уже уволена, я не понимаю, что ещё нужно.

— Его фамилия Петров-Рубинов. Он русский миллиардер, заработал деньги на чёрном рынке контрабандой алмазов, оружия и девушек.

У меня сжимается желудок, и я снова задаюсь вопросом, какого хрена здесь делаю. Я потратил годы, работая с благотворительными организациями, чтобы помочь покончить с контрабандой людей и продажей несовершеннолетних в сексуальное рабство, и вот я здесь, предоставляю халяву одному из худших преступников. Стоит ли удивляться, что я чувствую себя таким чертовски грязным всё время?

— Ты достал видеозапись? — требую я, потому что нет ни единого шанса, что этот урод что-то получит от меня, особенно если он не прав. Хочу знать точно, что произошло, прежде чем Тодд организует встречу, где я смогу “сгладить острые углы”. Как будто это когда-нибудь произойдёт.

— Они скинули его, когда я направился сюда. Запись должна быть сейчас в вашем почтовом ящике.

Я открываю свой компьютер, обновляю браузер, чтобы увидеть последние письма. Действительно, есть одно от службы безопасности с надписью “Рубинов видео”.

Кликаю на него и жестом показываю Тодду, чтобы тот подошёл ближе и посмотрел со мной.

Тут два разных видеоклипа, один длится пять минут, а второй — двадцать четыре. Первым я нажимаю тот, время которого пять минут: вначале русский один, затем видно, как пальцы Рубинова движутся по бедру хорошенькой рыжеволосой девушки, лет на двадцать моложе его. От того, как она отталкивает его руку и оглядывается в поисках помощи, не похоже, что та наслаждается вниманием.

Я сердито отмечаю, как она обменивается взглядом с дилером, и как дилер нарочно отворачивается.

— Какого чёрта это было? — спрашиваю я.

— Не знаю, — как мне кажется, голос Тодда звучит озлобленно. — У Дэвида и меня разные стили управления, но, ни один из нас не считает нормальным, когда клиенты притесняют кого-то. Даже если это ВИП-клиенты.

Тот факт, что он вынужден это признать, заставляет меня разозлиться ещё больше. Я вырос в казино Лас-Вегаса, приблизительно в двух кварталах от улицы Стрип и знаю все правила. Я учился в “Гарварде”, работал в крупных финансовых организациях по сбору средств. Мне известно, как и что работает в этом непростом мире. Как деньги дают людям ложное ощущение контроля, заставляя мужчин думать, что они могут иметь всё, что пожелают.

Это не значит, что мне это нравится.

Двадцать секунд спустя, официантка, я полагаю, та самая официантка из бара, появляется в поле зрения. Она одета в короткую тёмную юбку, белоснежную блузку и чулки в сетку, которые носят все официантки и могу сказать сразу, что Тодд прав. Женщина действительно красивая.

На самом деле, она великолепна и на минуту я так занят её разглядыванием, что теряю след того, что именно должен делать. Её тёмные волосы до плеч завязаны в хвостик, что только подчёркивает её прекрасные скулы и длинную нежную шею. У неё тёмные глаза, пухлые губы и оливковая кожа. На щеках гневный румянец, что только добавляет ей привлекательности.

Ровно как контролируя себя и этот свой темперамент, она оказывает сопротивление.

Теперь интересно, сколько же в ней достоинства; я смотрю, как она двигается, как себя подаёт. Она высокая, даже с учётом тех высоких каблучков, которые носит, по крайней мере, шесть футов с ними, у неё длинные ноги, пышные бёдра и отпадная задница, которая выглядит в этой юбке на миллион долларов. И девушка ведёт себя так, словно знает, что она слишком хороша для этой работы, слишком хороша для этого места.

Дерьмо. Стоит ли удивляться, что все богатеи смотрят на неё с похотью? Для большинства парней, с которыми она вступает в контакт на рабочей основе, самоотречение — это не совсем та концепция, с которой они знакомы. Чёрт возьми, я веду себя довольно откровенно, но всегда стараюсь быть почтительным-когда-это-касается-женщин парнем, и всё о чем могу думать — это испытание для её контроля, проверка, как далеко он сможет с ней зайти, до того как она полностью его утратит.

Но, даже я понимаю, что официантка не потеряет его полностью, точно не так, как я, когда просматриваю последние пару минут. Вместо этого, девушка забирает свой поднос со стола мужчины и её высокое, соблазнительное тело движется с совершенной точностью. Неожиданно, даже после того, как Тодд предупредил меня, удар дерзкой девчонки выводит меня из ступора. Я просматриваю этот момент снова, обращая в этот раз внимание на то, что происходит, вместо того, чтобы пялиться на официантку, независимо от того, как сильно этого хочу.

У меня занимает всего тридцать секунд, чтобы выяснить, что она изо всех сил старалась заставить Рубинова прекратить изводить другую женщину. Ещё тридцать секунд кипит мой гнев, и к тому времени, когда она встала напротив него, я в таком абсолютном бешенстве, что готов сделать тоже самое вместо неё.

Этот парень — первоклассный ублюдок.

Я проигрываю видео ещё раз, просто, чтобы убедиться, что понял каждый нюанс сложившейся ситуации. Когда просматриваю видео дальше, то вижу, как официантка подходит к охране, и кивает в сторону Рубинова и девушки.

Так она пыталась сообщить об этом, пыталась позвать на помощь. И охранник прогнал её. Понимание этого заставляет кипеть гнев в моих венах сильнее и жарче. Они лишили её контроля, оставили наедине с отсутствием альтернативы, кроме как делать то, что она сделала. А затем уволили за это.

Нет. Точно нет. Может быть, так было при моём отце, но не он теперь командует. А я. И теперь всё будет иначе, не так.

— Где он? — спрашиваю я Тодда после того, как видео заканчивается.

— Когда я уходил, он сидел в своём номере, ожидая ваших извинений. Это номер 2857.

— Мои извинения, да? — скорее, я затолкну ногу ему в задницу, потому что это единственное, первое и последнее, что этот ублюдок получит от меня или “Атлантика”. — Похоже, он будет разочарован.

Я отодвигаюсь от стола и поднимаюсь.

— Я хочу знать, другое, мистер — как зовут официантку?

— Ария. Ария Уинстон.

— Я хочу знать, в какое время придёт Ария Уинстон, чтобы забрать свою зарплату. Поручите отделу кадров отправить её ко мне, сделайте именно так, пожалуйста?

Он кивает:

— Конечно.

— И я хочу встретиться со всеми руководителями и сотрудниками сегодня днем. Хочу, чтобы каждый, от простого охранника до обслуживающего персонала понимал, что закрывать глаза на такие домогательства — неприемлемо, и не допустимо, — я смотрю на часы, и мы выходим из моего кабинета. — Собрание начнётся в одиннадцать.

Я останавливаюсь у стола секретарши. Ей уже за пятьдесят, умная, проницательная и насколько я понимаю, полностью преданная моему отцу. Мне ещё предстоит решить, готова ли она сменить преданность для меня. Быть может, женщина просто ещё не сделала свой выбор. Надеюсь, что она сделает. Она мне нравится, и думаю, станет очень хорошим дополнением к этому офису.

— Линда, мне нужна твоя помощь, чтобы договориться о встрече, которая пройдёт через час. Каждый начальник, директор, и менеджер, каждый аспект, касающийся дневной смены, должен быть обсуждён в конференц-зале. Пожалуйста, дайте им знать, что явка является обязательным условием. Затем предупреди о том же самом всех ночных менеджеров. Назначь собрание на девять, ладно?

— Конечно. Это то, что я должна сказать им?

— Не волнуйся об этом. Я скажу им сам.

Двадцать минут спустя, после пары сделанных телефонных звонков, что оказались весьма поучительным, я стою около двери Рубинова, ожидая его ответа. Конечно, это занимает пару минут, классическая психологическая игра слабых и самовлюблённых говнюков, и когда дверь, наконец, открывается, он одет в один из предоставленных отелем халатов на голое тело. Просто, чтобы подчеркнуть, что я понимаю, как для него ничтожен. Просто, чтобы убедиться, что я понимаю, насколько он важен и насколько уверенно он контролирует ситуацию.

Очень плохо, что никто никогда не учил его, что те, кто имеет реальный контроль, реальную власть, не должны выставлять их напоказ.

Это ошибка большинства богатых мужчин, одна из тех, которую я поклялся не совершать. Я вырос, наблюдая, как отец разыгрывает эти карты. Я знаю всё о том, как они работают и возможно, если бы я не был так зол, то захотел бы показать мистеру Рубинову, как выглядит немного уважения, которое он игнорирует. Но я взбешён, и не собираюсь думать о таком дерьме, как его ценность. Парень не будет избивать женщин в моём отеле, а потом приходить и требовать компенсацию, когда ему это вздумается.

— Я ждал вас полчаса назад, — говорит он, когда отступает назад к роскошному дивану, с которого хорошо видно бульвар Стрип. Меня давно не трогает этот вид, я вырос, глядя на него, но это то, что гостям Лас-Вегаса, похоже никогда не будет достаточно. И

пусть в дневное время, он не сильно отличается от любого другого города, при условии, если не брать в расчёт пирамиды и фонтаны, копии “Эйфелевой башни” и “Эмпайр-Стейт-Билдинг”.

Я совершенно сознательно не извиняюсь и не жду, когда он пригласит меня присесть, прежде чем делаю это. Его ноздри раздуваются, и могу сказать по взгляду глаз Кита, что он не счастлив, но с другой стороны, я здесь не для того, чтобы сделать его счастливым. Просто то, что я не заинтересован в мелких перепалках, не означает, что я не знаю, как проконтролировать ситуацию, когда мне это нужно.

Рубинов берёт в руки стакан с водой, водкой, я не знаю, или чем-то другим, и опрокидывает в себя содержимое одним длинным глотком, будто это станет началом, чтобы завести разговор. Он долго ждал, он хотел этой встречи, он в состоянии начать первым.

Тишина растягивается между нами как один из канатов на шоу “Цирка дю Солей”, что проходит в “Атлантиде” прямо сейчас. Рубинов нерешительно мнётся, когда молчание продолжается, но я не двигаюсь и не говорю. Я едва моргаю, когда сознательно заставляю спину расслабиться. И жду, когда он сломается.

Это занимает всего пару минут, прежде чем тот рычит что-то на русском. Две обнажённые девушки выходят из спальни. Они едва выглядят довольными и, хотя ни одна из них в настоящее время не покрыта недельными синяками, как могла бы, они выглядят так, будто вышли с недельной попойки. Они оседают на диване рядом с ним, и он ведёт себя так, как нормальный человек, который рад появлению своей собаки.

Я достаточно сообразителен, чтобы понять, что весь спектакль разыгрывается преимущественно для меня и в то же время мои нервы на пределе, а плечи напряжены. Потому что пока всё выглядит так, словно они пришли по своей воле, но я не вполне уверен. Не после слов Тодда о том, как Рубинов делает свои деньги, всплывающих в моей голове, как огромный баннер.

Он выбирает момент для того, чтобы заговорить:

— Я хочу, чтобы официантку уволили. И мой лимит за столом подняли до двадцати миллионов без обеспечения на руках. Я бы хотел остаться ещё на неделю, мои девочки полюбили этот люкс, — он немного сдвигает свою руку, сжимая один из сосков девушки. Она не уклоняется от его прикосновения, вместо этого улыбается ему, и я чувствую, как облегчение тонкой струйкой струится по моим венам. Мне, может быть, противно от того, как Кит относится к этим женщинам, но, по крайней мере, они, кажется, не против. Одним беспокойством меньше для меня в уже и так неблагоприятно сложившейся ситуации. — И мои девочки, они любят красивые вещи. Драгоценности, нижнее бельё, и всё такое, — он пожимает плечами, будто это сбивает его с толку. Как будто не он нацепил сто кусков золота и алмазов на свои “закалённые-работой” пальцы. — Это сделает меня очень счастливым, позволяя им приобрести всё, что они захотят в лучших магазинах. И, конечно же, посетить спа.

Кит смотрит мне в глаза.

— Всё, что они захотят. Если это произойдет, я уверен, что смогу забыть неприятный инцидент, произошедший прошлой ночью.

— Неограниченный доступ к магазинам и спа, — повторяю я. — Дополнительная неделя в моем отеле, предоставленная бесплатно, конечно. Более того, необеспеченный лимит за столами. Правильно ли я понял ваши пожелания?

— Пожелания, — говорит он мне с улыбкой, на самом деле выдвигая требования. И то,

что он уверен, что всё контролирует, лишь доказывает, что на самом деле русский — дурак. — Та девка. Она должна быть уволена. Ваш сотрудник заверил меня, что это уже произошло, и всё же я хочу получить подтверждение от вас.

Я тяну время, решая загвоздку, но откровенно говоря, теряю терпение с этим напыщенным ублюдком и его раздутым чувством собственной значимости. Было бы забавно немного поиграть с ним в словестную перепалку, как кошка с мышью, но, в действительности, я никогда не любил эти игры. Даже когда дело доходило до придурков вроде этого.

Поэтому, вместо того, чтобы позволить ему окрутить себя ещё больше в его требованиях, вместо того, чтобы разрешить ему хоть на секунду подумать, что у него есть “Атлантис”, что он поймал меня в ловушку, я смотрю Киту прямо в глаза и говорю:

— Нет.

Проходит некоторое время, прежде чем мой ответ достигает его сознания, а из взгляда русского исчезает уверенность, и теперь замешательство занимает её место.

— Я не понимаю.

— Мне жаль это слышать, кажется, я выразился довольно ясно.

Он выглядит как рыба, его рот открывается и закрывается как у “Гуппи”, когда Рубинов глазеет на меня. Затем мужик лает на девушек по-русски, и они вскакивая с дивана, убегают в спальню и закрывают за собой дверь. Не то, чтобы они были в полнейшем шоке. Это всегда то место, куда можно ударить парней вроде него.

— Я предполагаю, что вы шутите, — говорит он мне после того, как звук хлопающей двери рассеивается.

— Ты предполагаешь неправильно. Но раз уж ты не в состоянии меня понять, позволь мне кое-что пояснить. Не будет бесплатной недели в отеле. Не будет лимита без обеспечения за столами. Не будет халявных визитов в магазины и спа для твоих девочек. И, наверняка, не будет шлепков официантки, чьё имя Ария, кстати, или того, что ты можешь сделать с одним из моих сотрудников. Выглядит ли это моё отношение к ситуации более понятным?

Лицо Рубинова становится ярко-красным и только основы биологии человека, удерживают его от сброса пара из ушей.

— Вы считаете это игрой? — рычит он. — Вы думаете, что сможете побороться со мной? Я уничтожу это казино.

— Ты можешь попробовать, — говорю я ему. — Не думаю, что ты продвинешься очень далеко, я видел запись того, что происходило, когда моя официантка ударила тебя. Она была очень настойчива, пытаясь остановить нападение, что находилось в самом разгаре.

— Это просто смешно...

— Это не так. Я жалею, что меня там не было, потому что идея обращаться таким образом с женщинами в общественных местах, а особенно в моём казино, меня бесит. Но это не смешно. И знаешь, что ещё не смешно? Тот факт, что когда у меня были начальники охраны нескольких других казино, я узнал, что это не первый раз, когда ты был втянут во что-то подобное. На самом деле, ты уже “в чёрном списке”: “Белладжио”, “Нью-Йорк-Нью-Йорк” и “Венеция”, из-за случаев очень напоминающих тот, что произошел здесь прошлой ночью.

Я поднимаюсь на ноги, одаривая его взглядом, который говорит ему, что это не шутка, и что именно я контролирую эту ситуацию, как и должно было быть с самого начала.

— Поэтому, чтобы быть уверенным, что ты понимаешь всю серьёзность ситуации и то, что произойдёт, позволь мне объяснить тебе дальнейшее. Сейчас ты собираешься, пакуешь свои вещи и своих девочек, и убираешься из моего отеля. Сегодня. Если ты съедешь в ближайший час, то тебе не придётся платить за четыре дня, которые ты уже провёл в этом номере и тебе будут прощены четыре миллиона долларов, которые в настоящее время ты должен казино. Если ты не захочешь принять то, что я тебе предлагаю, то я отправлю тебя в “чёрный список” и тебе будет выставлен счёт за каждый пенни, который ты потратил в этом отеле в течение последних четырех дней. Теперь это твой выбор, каким путем ты захочешь пойти, но я настоятельно рекомендую воспользоваться первым вариантом.

Я отворачиваюсь, намеренно вставая к нему спиной, хотя знаю, что это большой риск. Всё-таки, для таких парней не существует чести, порядочности, а это в миллион раз хуже, чем сдерживать удар. Поэтому я не удерживаюсь и показываю ему, как он ничтожен. Примерно так же малозначителен, какими чувствовали себя Ария и та женщина прошлой ночью. Примерно так же незначителен, как все девочки и мальчики, на которых он построил свою империю.

Кит изрыгает кучу слов на русском, которые я не понимаю. Но мне не нужно понимать их, чтобы знать, что до него дошло моё послание.

— Ты не уйдешь так просто, — он говорит мне, его акцент внезапно в десять раз сильнее, чем пять минут назад. — Разве ты не знаешь, кто я?

И тогда я смотрю на него. Не могу отказаться. Но убеждаюсь, что мой взгляд выглядит холодным и равнодушным, как грабли, пробегающие по верхней части его наполовину лысой головы и прорезающие его до кончиков босых ног.

— Я точно знаю, кто ты, — говорю ему через минуту и наблюдаю, чтобы до него дошло, что я действительно в курсе кто он, и что он из себя представляет. — Вот почему я никогда не хочу видеть тебя снова рядом со своим отелем.

Его проклятия звучат в моих ушах словно музыка, ещё рано, но всё же сейчас я могу считать свой рабочий день окончанным, так как его день я испортил окончательно. И я сам закрою за собой двери люкса.

— Один час, — напоминаю я ему, прежде чем закрыть дверь позади себя. Не думаю, что это займёт намного больше времени.

Глава 3

Ария

— Я заеду позже, Люси. Сначала у меня есть несколько дел, о которых нужно позаботиться, — говорю я своей сестре, когда вылезая из машины и начинаю долгий путь к отелю “Атлантис”, через парковку для персонала.

— Ты обещаешь? — требует она. — Потому что мама сошла с ума и даже не разрешает мне вставать с постели. Я схожу с ума здесь.

— Она не сумасшедшая. Она просто... слишком опекающая. Тебе сделали серьёзную операцию меньше недели назад.

— И я отлично с ней справилась! — фыркает Люси. — Как я справлялась со всем остальным. Но мы все прекрасно понимаем, что это ничего не значит, что это просто отсрочивает неизбежное. И я не хочу провести остаток моей неизбежности, валяясь в постели, когда могу заниматься делом!

Это удар под дых, слышать, как легкомысленно она говорит о собственной смерти.

Часть меня — прекрасно знает, и не отрицает, что сестра борется с этой проклятой болезнью всеми возможными способами. Люси так же здорова, как любой другой с тяжелым синдромом “хрустального человека” (прим. пер.: хрустальный человек или так называемая хрустальная болезнь — это синдром ломкости костей). Но есть и другая часть — та часть, которая удерживает меня в Вегасе, даже когда я хочу быть далеко-далеко отсюда, чтобы поддерживать её каждый раз, когда она об этом говорит. Каждый раз, когда мне приходится сталкиваться с тем, что моя младшая сестра не рядом со мной. Она далеко уже больше десяти лет.

— Знаю, знаю, — я успокаиваюсь, поглядывая на часы, пока иду прогулочным шагом через парковку. Уже почти два, чёрт побери, и если я хочу попасть домой, чтобы увидеть Люси, прежде чем туда вернётся мой отец, мне нужно поторопиться. Первым делом мне нужно пойти и забрать свою чёртову зарплату, но я провела всё утро в сети, просматривая объявления и пытаюсь найти новую работу.

К сожалению, сейчас лето и большинство работодателей, которым я подхожу, даже если использую свою степень по философии “Вассара” и свою настоящую фамилию, уже приняли студентов колледжа, желающих провести свои летние каникулы на вечеринках Вегаса.

Всё это означает, что я в полной заднице, до тех пор, пока не соберусь бежать обратно к папочке за помощью. Что я категорически отказываюсь делать.

У меня есть немного сэкономленных денег, почти ничего, но достаточно, чтобы продержаться шесть недель без зарплаты. Два месяца, если я исключу мои еженедельные сеансы терапии, что в действительности я не хочу делать. Но учитывая альтернативу — возвращение домой с поджатым хвостом, несколько недель не видеть доктора Коллинз — это меньшая цена, которую придётся заплатить.

На улице 112 градусов (прим. пер.: имеется в виду 112 градусов по Фаренгейту — около 44 градусов по Цельсию) я потею, и когда добираюсь до отеля-казино, то на мгновение останавливаюсь прямо в дверях, чтобы насладиться прохладой кондиционера и попрощаться с сестрой.

Потом продолжаю свой путь через игровой зал с его мигающими огнями и звоном колокольчика игровых автоматов, направляясь к бухгалтерии, чтобы забрать свой чек. По моим подсчётам, я отработала примерно сорок восемь часов, всю неделю до моего пятидневного отгула, и ещё весь вчерашний день. Звучит довольно прилично, но на самом деле это не так, не тогда, когда ты думаешь о том, как долго продлится твой период без зарплаты и отсутствия чаевых, пока не найдёшь другую работу.

Думаю, это будет относительно быстрая процедура, в конце концов, я уволена. Не похоже, что они захотят обсуждать причины увольнения. Однако когда я попадаю в бухгалтерию, меня отправляют в отдел кадров, а когда добираюсь до отдела кадров, оттуда меня посылают наверх, в офис мистера Кейна.

Это совершенно выводит меня из себя. Я имею в виду, действительно. Да, я попала по-крупному, но удар был полностью заслуженным. Плюс, меня уже уволили, что, чёрт возьми, ещё может со мной сделать этот старик?

Я испытываю сильное желание уйти и послать к чёрту все дела. Но мне нужна зарплата — это единственное, что стоит между мной и моей просьбой денег у отца, и я бы предпочла раздеться у шеста, чем выпрашивать у него хоть цент. Не потому, что он не даст мне их, он даст. Проблема лишь в том, что папочка добавит к ним около миллиона условий в придачу, которые я должна буду выполнить. Мне потребовалось двадцать четыре года, чтобы

избавиться от этих чёртовых пут и вернуть контроль над своей собственной жизнью и когда я это сделала, он был зол как чёрт. Я ни за что добровольно не надену их на себя.

К тому времени, когда я добираюсь до офиса мистера Кейна на тридцатом этаже, у меня начинает болеть живот. Не потому, что я нервничаю из-за встречи с большим боссом, я больше не нервничаю, но боюсь того, что он собирается мне сказать. Это Вегас и у этих ребят всё схвачено. Если он не захочет заплатить мне, потому что игрок вдруг решил подать в суд, или что-то другое, нет ничего, что я в состоянии с этим поделаться. Не без адвоката, которого я в любом случае не могу себе позволить. И не тогда, когда именно я — та, кто так явно ошибся.

Не то, чтобы я собиралась признаться в этом ему или кому-либо ещё. Нет, мне нужна эта чёртова зарплата, и я не уйду отсюда без неё.

Когда я добираюсь до его офиса, то подхожу к секретарю — пожилой женщине с короткими волосами и кислым выражением лица, что напомнило мне монахиню Пресвятой Богородицы Лурдес. Как многие девушки я ходила в католическую школу в старшем классе, когда училась в средней школе. Она говорит мне, чтобы я присела, но я её игнорирую. Вместо этого, подхожу к окну и смотрю на расположившийся внизу квартал Стрип. Отсюда он выглядит почти очаровательно — грязь, порно брошюры и отчаяние кажутся на расстоянии в миллион миль от этого места.

Не могу вспомнить время, когда была далеко отсюда, время, когда блеск и гламур были всем, что я знала о Лас-Вегасе.

Но это было давно, и нет смысла оглядываться назад. Или, по крайней мере, такова моя философия и я её придерживаюсь. Как только я смогу забрать эту чёртову зарплату, то двинусь дальше.

Я настраиваю себя на долгое ожидание; не могу поверить, что Ричарду Кейну есть дело до уволенной официантки, но не проходит и пары минут, как монахиня в гражданской одежде говорит, что я могу войти.

Я поворачиваю голову к двери, ведущей в кабинет, в святая святых, но прежде чем успеваю дотронуться до ручки, она распаивается. И я вижу, как её открывает высокий, хорошо сложенный мужчина с широкими плечами. Человек, который стоит там, наверняка, не семидесятилетний мистер Кейн.

Наши глаза встречаются, когда я перешагиваю через порог, и тела соприкасаются в узком дверном проёме. Несколько долгих секунд я не могу думать, не могу дышать. Не могу делать ничего, кроме как смотреть, как в моём тщательно выстроенном плане не-упасть-в-грязь лицом, происходит сбой.

Не хочу, чтобы он увидел это, не могу позволить это увидеть, поэтому просто смотрю ему в лицо, прямо в глаза, как учила меня моя мама. Но в этот раз это не срабатывает. На сей раз всё ввергает меня в состояние шока. Не потому, что он развратник, как тот русский ублюдок прошлой ночью, а потому что безусловно, он не такой.

Я моргаю, стараясь сосредоточиться, но вижу его зелёные глаза. Насыщенные, зелёные и настолько тёмные, что, кажется, они находят отклик внутри меня. Это та тьма, которую я всегда старалась игнорировать, потому, что так много времени провела в темноте, пытаюсь притвориться, что её там нет.

Тот факт, что я могу так легко увидеть своё отражение в его глазах — ужасает. Я должна отвернуться, отойти. Бежать прочь. Но вместо этого просто стою тут в течение нескольких долгих, тихих секунд. Завороженная. Пленённая. Очарованная.

Я не двигаюсь. Не моргаю. Чёрт, не уверена, что даже дышу. Только моё сердце, заходящееся в дикой пляске, доказывает мне, что я ещё жива.

Та маленькая часть моего мозга, кажется, единственная, которая пока функционирует, ужасается, насколько я восхищена этим человеком. Это та же часть, которая кричит на меня, чтобы я бежала, убиралась сейчас же, пока ещё хоть что-то контролирую и к черту эти сорок восемь часов, что они должны мне оплатить.

Я до сих пор не двигаюсь. Всё ещё стою там, в дверях, моя грудь в дюйме или двух от его груди, моё лицо слишком близко, в его личном пространстве. И я наблюдаю за ним так же, как он наблюдает за мной.

Но тут в его великолепных зелёных глазах что-то меняется, что-то мелькает, и на мгновение, только на мгновение, я вижу, что глубоко внутри он напуган, когда смотрит на меня.

Подумать только, меня напрягает мысль, что мужчина может с первого взгляда увидеть всё, что я пыталась скрыть и над чем так упорно работала. Именно эта идея вызывает во мне панику, по глупости искажая настоящее, и заставляет распрямить спину.

— Извините, — говорю я, отклоняюсь и прижимаюсь позвоночником к дверному проёму, чтобы убедиться, что не прикасаюсь снова к мужчине. — Я здесь, чтобы увидеться с мистером Кейном.

— Я — мистер Кейн.

Эта откровенная ложь помогает мне отвоевать себе немного больше контроля. Прищуривая на него глаза, я на дюйм отодвигаюсь от дверного проёма, возвращаясь в приёмную.

— Я видела мистера Кейна, и вы совсем на него не похожи. Не говоря уже о том, что вы лет на пятьдесят моложе того парня, который управляет этим местом.

Теперь он просто улыбается, легко превращаясь из плохого в хорошего и выглядит при этом абсолютно великолепно, настолько великолепно, что если бы я не почувствовала жар его тела напротив своего собственного, то не поверила бы, что он настоящий. Не верю, что мужчина может быть кем-то другим, кроме Бога “Атлантида”, сошедшего с одной из картин художественной галереи, расположенной двадцатью этажами ниже нас.

Но он реален, и его улыбка подчёркивает острые скулы и полные губы, заставляя мои пальцы зудеть от желания запутаться в диких от природы чёрных волосах, обрамляющих его лицо падшего ангела. Это необычное чувство, не моя привычная реакция, что заставляет меня нервничать и делать не свойственные мне вещи...

— Люди говорят, что я похож на свою мать. И, на самом деле, я на сорок лет моложе своего отца, но спасибо за комплимент.

— Ты — сын Ричарда Кейна, — мне трудно поверить, учитывая, что я ничего не слышала о его возвращении. Кажется, что это ужасно большая тайна, и совершенно лишнее знание.

— Это я. Себастьян Кейн. Мой отец болен, поэтому я приехал на прошлой неделе, чтобы взять на себя часть его обязанностей, — произносит он, отвечая на вопрос, который я не задаю.

Ну, это объясняет, почему я не знала, что парень вернулся, всю прошлую неделю я зависала в больнице с Люси, когда сплетня была наиболее распространена.

— Пожалуйста, — говорит он, шагая в проём двери и показывая на свой офис. — Зайдём в мой кабинет.

Говорит паук мухе. А какой у меня выбор, если не зайти в кабинет, не правда ли? Не важно, он терпеливо ждёт, наблюдая за мной теми зелёными глазами-лазерами, и я не могу объяснить, но вижу параллели. Есть часть меня — часть, которая включает предохранитель безопасности, которая хочет сбежать от этого человека, этого офиса, этого момента... так далеко и так быстро, как только возможно. Но я уже сделала так однажды. Я пообещала себе тогда, что не сделаю это снова, и не планирую нарушать свое обещание. Особенно не из-за чего-то столь нелепого, как маленькое сексуальное влечение.

И поэтому я делаю единственное, что могу — захожу в его офис. И молюсь, не позволяя своей гордости встать на пути у здравого смысла.

Но едва я оказываюсь за порогом, как мои каблук увязают в густом ворсистом ковре, и меня полностью покидает координация, когда я делаю шаг вперёд. Понимаю, что сейчас упаду и выставлю перед собой руки. Но этого не происходит. Сильная рука обвивается вокруг моей талии, резко утягивая меня назад.

Снова легко оказываюсь в вертикальном положении, но возвращаюсь к тому, с чего начала — стою напротив замершего Себастьяна Кейна и его гибкого, смертоносного тела. Вот только на этот раз это не маленькое столкновение грудью или руками. Нет, это полноценный телесный контакт, моя спина прижата к его животу, и я не понимаю от чего, от испуга или возбуждения, но он так хорошо ощущается.

Возможно, и то и другое.

Во всяком случае, именно эту отговорку я произношу про себя насчёт того, почему не сразу отпрыгиваю. Почему остаюсь на месте и прижимаюсь к нему, окутанная им намного дольше, чем следовало бы.

Не похоже, что он сам торопится меня отпустить. Нет, его рука лежит вокруг моего бедра, а большой палец поглаживает талию. Мои нервные окончания искрят от его прикосновения, обжигающий жар проходит сквозь меня с каждым движением его большого пальца вперёд и назад.

— С тобой всё в порядке? — голос Кейна низкий, первобытный, достаточно твёрдый, чтобы мурашки побежали по моей спине. Это неизвестное, новое чувство; то, которое заставит воображать спутанные простыни, и длинную, пропитанную потом ночь. С ним.

Себастьян сильный, мощный, и такой мрачно сексуальный, что я начинаю физически на него реагировать. Слово его влияние распространяется по воздуху. Мой пульс ускоряется, соски твердеют, и дыхание переходит в короткие, частые вдохи, которые я отчаянно пытаюсь контролировать, но безуспешно.

— Я... Я в порядке, — наконец отвечаю ему, мой голос намного более неуверенный, чем мне бы того хотелось.

Чувствую его кивок, когда он задевает подбородком мой затылок, и его рука медленно, почти неохотно, сползает с моей талии.

— Почему бы тебе не присесть, — говорит Кейн, указывая на два стула перед его столом.

Это напоминание мне необходимо, чтобы заставить мой мозг сосредоточиться. Наконец-то. Поднимаю свой подбородок вверх, и убеждаюсь, что я всё ещё в офисе, где только что была поймана за разглядыванием босса, своего босса, как обычная женщина.

— Не думаю, что это необходимо. Я здесь, чтобы забрать свою зарплату.

Он приподнимает брови, чувственно шевеля ими вверх и вниз, что приводит в трепет мои внутренности.

— Садись, Ария, — голос звучит любезно, но, в то же время, я слышу приказ, когда он говорит. Хочу возразить из принципа, я — женщина, которая не выполняет приказы с лёгкостью, но мне нужны деньги. А не внушающее ужас оценивание. Поэтому я медленно сгибаю колени и насильно усаживаю себя на стул.

Босс закрывает дверь, и я жду, когда он обойдёт свой стол, чтобы сесть в огромное, внушительное кресло, стоящее в одиночестве напротив того стула, в котором сижу я. Но вместо этого он опускается на соседнее сидение рядом со мной, залезает в карман и протягивает мне конверт.

— Я так понимаю — это то, зачем ты пришла.

Я киваю, не утруждая себя его открыть. Вместо этого, кладу конверт в свою сумочку и начинаю подниматься. Его рука взлетает, мягко ложится на мою и сжимает с достаточной силой, чтобы удержать меня на месте.

Тепло мчится сквозь меня от этого контакта, мои соски напрягаются, несмотря на всю профессиональную устойчивость. Он мрачно улыбается, его губы изгибаются таким образом, что сквозь меня внезапно проходит вибрация. Это заставляет тело дрожать, а моё дыхание становится беспорядочным.

Я вжимаюсь в кресло — движение мне не свойственное, и пытаюсь выяснить, что, чёрт возьми, происходит. Кейн не угрожает мне, нет ничего хищного или особо сексуального в том, как он смотрит на меня, как прикасается ко мне. И всё же, моё тело светится как Стрип в полночь, каждая моя клеточка искрит от его случайного прикосновения.

Я не понимаю. Не понимаю, почему реагирую таким образом на Себастьяна Кейна. Я никогда не отзывалась так быстро или сильно на любого другого мужчину. Ох, даже с тем, с кем встречалась. Я даже была помолвлена, и провела шесть месяцев, пытаюсь убедить себя, что люблю Карло. И ещё, я никогда не реагировала как сейчас, так быстро и отчаянно. Грудь болит, кожа пылает, между ног становится влажно.

Этой странности достаточно, чтобы на мгновение удержать меня на месте, пока его глаза исследуют меня. Но, с другой стороны, мне становится страшно, и я поднимаюсь, чтобы уйти.

Он вновь мягко удерживает меня, настойчиво усаживая обратно в стул. Себастьян до сих пор улыбается мне, и его лицо приобретает совершенные, приятные черты. Глаза мужчины полны хищного интереса, который он даже не пытается скрыть.

Это меня беспокоит. Не потому, что я думаю, что Кейн может причинить мне боль, а потому, что не думаю, что смогу справиться с этим сама. Но ведь мне это нравится. Мне нравится, как Себастьян смотрит на меня, нравится, как моё тело чувствует себя под его взглядом.

Это возмутительно, и я наклоняюсь вперёд.

— Послушайте, я не знаю, что здесь происходит, мистер Кейн...

— Себастьян, — говорит он, прерывая мою обличительную речь. — Меня зовут Себастьян.

— Я за вас рада. И уверена, что вероятно кого-то это волнует, но я приехала сюда только ради зарплаты и сейчас она у меня, поэтому я уйду.

— Я не хочу, чтобы вы уходили.

— Простите?

— Я бы хотел, чтобы вы остались на несколько минут и поговорили со мной. Посмотрим, сможем ли мы добраться до сути произошедшего безобразия.

На минуту мне кажется, что безобразия, о котором говорит босс — это мы, и как нас тянет друг к другу. Но потом я понимаю, что он имеет в виду русского Кита, из-за которого меня уволили. И неожиданно я боюсь, что согласна на много большее, чем рассчитывала. Я была готова бороться с Ричардом Кейном за свою зарплату, была готова к насмешкам и раздражающей снисходительности. Я проживаю, каждый день своей жизни с ними, и, в конце концов, я научилась контролировать себя и тех ситуациях, в меру своих способностей.

Но это. Это что-то другое. Нет никакого высокомерия на лице Себастьяна, нет предположения, что я должна упасть на колени и отсосать ему в качестве благодарности за свою зарплату. Нет чувства, будто он думает, что может трахнуть меня просто потому, что у него есть угловой офис на верхнем этаже в модном казино Лас-Вегаса.

Это не самая страшная часть. С этим я смогла бы справиться. Чёрт возьми, мне приходится справляться с этим практически каждый день моей жизни. Но остальное... остальное — меня трогает. Тихое уважение, очевидный интерес, мрачный взгляд, напоминающий мой собственный. Я не знаю, как бороться с этими штуками, не знаю, как должна реагировать. Я растеряна, в замешательстве, в поисках ответов, когда понимаю, что даже не знаю, какие нужно задавать вопросы.

Может быть, именно поэтому я остаюсь здесь, вместо того, чтобы бежать отсюда так быстро, как только способны мои ноги.

Потому что мне нужно выяснить, как вопросы, так и ответы.

Глава 4

Себастьян

Я вижу тот момент, когда Ария принимает решение остаться, вместо того, чтобы с криком выбежать из моего офиса. Всё её тело расслабляется, и она удобнее садится на стул, а не остаётся на краешке, готовая бежать в любой момент.

Я, наконец-то, расслабляюсь или, по крайней мере, хорошо это имитирую. На самом деле тяжело расслабиться, когда твой член уже наполовину затвердел, и каждый инстинкт кричит тебе взять её, трахнуть, связать и сделать с ней миллион других отвратительных вещей.

Но она напугана, готова сбежать и это последнее, чего я хочу. Я не виню Арию, она ежедневно получает непристойные предложения от богатых мужчин. Заставляя её вспоминать, что из-за этого она даже потеряла работу. Почему девушка должна думать, что я не такой? С чего ей думать, что я хочу чего-то другого, чем отобрать последний контроль, который у неё есть?

Но последнее, что я хочу сделать — это лишить её контроля... Я хочу дать его ей, хочу показать Арии Уинстон, впервые в её жизни, что значит быть сильной. Сильной. Контролирующей. Но, прежде чем я смогу всё это сделать, ей нужно понять, насколько я отличаюсь от мужчин, к которым она привыкла.

Я начинаю этот путь со слов:

— Сожалею о том, что случилось прошлой ночью. Вы были единственной в зале, кто справился с ситуацией и я считаю — ужасно то, что Дэвид уволил вас за это.

Она смотрит на меня так, будто я отрастил три дополнительные головы.

— Простите?

— Мне следует извиниться перед вами. Я не привык позволять женщинам быть

ущемлённым в своём казино, а это именно то, что произошло прошлой ночью. Вы сделали всё, что могли, чтобы остановить его, когда охранник, дилер, и, даже Дэвид, не стали этого делать. Вы не должны быть наказаны за происшествие.

Она по-прежнему выглядит сбитой с толку.

— Я не понимаю.

— Я не увольняю вас, Ария. Не из-за того, что вы были вынуждены сделать. Вы можете взять отгул за свой счет, но ваша работа будет ждать вас завтра, если она вам всё ещё нужна.

Если такое возможно, то девушка выглядит очаровательно, ещё более удивленной, с широко раскрытыми глазами и полуоткрытым от потрясения ртом.

— Вы это серьёзно? — наконец, спрашивает она.

— Я совершенно серьёзен.

— Но я ударила Кита.

— Я отдаю себе в этом отчёт.

— Своим подносом.

— Да. Я видел видеозапись.

— Сильно, — она подчёркивает это слово, на всякий случай, если у меня остаются какие-либо сомнения насчёт того, что я увидел на видео из казино. — Я сильно его ударила.

— И я рад, что вы это сделали. Моё единственное сожаление заключается в том, что вы не ударили его сильнее, этому убудку всё же удалось подняться и унести ноги несколько минут спустя. К большому сожалению.

— К большому сожалению?

Я пожимаю плечами.

— На мой взгляд, он заслужил кое-что похуже. Мужчины, которые рассматривают женщин как собственность, заслуживают то, что получают, когда выясняется, что имущество может укусить в ответ.

От этих слов она подсакивает со стула, и на этот раз я не останавливаю её, потому что она не планирует сбежать. Ария полна нервной энергии, которой необходим выход. У меня есть не одно предложение о том, как девушка может избавиться от этой энергии, но сексуальные домогательства до своих сотрудников не то, что входит в мои привычки. Не сейчас. Особенно к тем, кому и так приходится сталкиваться с этим на работе каждый вечер.

Поэтому я сжимаю руки в кулаки, чтобы удержаться от желания протянуть их к ней, и в ожидании смотрю, как она мечется по комнате, к окну и обратно.

— Я не понимаю, — говорит Ария, когда останавливается передо мной. — В чём подвох?

— Никакого подвоха. Работа ваша, если вы этого хотите.

— После моего нападения на клиента?

— Нападение — такое не красивое слово. Давайте просто скажем, что вы защищались от клиента и оставим всё как есть.

— На самом деле это не соответствует действительности. Вы же знаете, что если оставите меня здесь, то вероятно он решит подать на вас в суд.

Я улыбаюсь, хищно обнажая зубы, отчего её брови взлетают, а глаза наполняются чем-то, что выглядит ужасно похожим на интерес. Или страх. На данный момент не могу сказать точно.

Это заставляет меня чувствовать дискомфорт, я хочу от Арии многих вещей, которые включают в себя залитые потом простыни и неограниченный доступ к каждому сантиметру

её обнаженного тела, но мне не нужен её страх. Не хочу, чтобы девушка даже на мгновение подумала, будто рядом со мной она не в безопасности.

— Он может попытаться подать в суд, — говорю я ей. — Но у него ничего не выйдет.

— Откуда вы знаете?

— Ария, может я и сбежал из отеля и “Атлансиса” десять лет назад, но я вырос в Вегасе. Я знаю, что это за город.

— Как и я. Я знала, когда была этого ублюдка, что, в конечном счете, поплачусь за это. Если я не теряю работу, как вы только что сказали, чем я буду вам обязана? — она снова шагает в сторону окна.

Внутри меня искрится гнев. От намёка, что прозвучал в её словах, у меня покалывает под кожей. Ария думает, что всё, что я от неё хочу — это быстрые минет или трах на моём столе в качестве оплаты за правильный поступок, за то, что я забочусь о ней. Тот мир, в котором она живёт, научил девушку быть такой подозрительной. Научил, что все богатые мужчины хотят от неё только одну вещь.

Учитывая, что это никуда нас сейчас не приведёт, я прячу свой гнев глубоко в душе. Как мне подсказывает инстинкт, единственный способ успокоить её в данный момент — это сконцентрироваться на том, чтобы оставаться хладнокровным и рациональным, доказывая, что я всё контролирую.

— Думаю, что вы рассчитаетесь со мной, делая свою работу. Насколько я наслышан, вы чертовски хорошая официантка. Вот почему Дэвид и Тодд назначили вас обслуживать зал с игроками, где большие ставки. Я не собираюсь терять вас, потому что какой-то мудака не умеет принимать в ответ “нет”.

Я вижу тот момент, когда она улавливает мою формулировку и двойной смысл, с которым можно расценить слова о её потере. Но реакция девушки не такая, какую я от нее ожидаю. Это пошатывает мою уверенность. Вместо этого, Ария прищуривает глаза, глядя на меня, и спрашивает:

— Вы ко мне клеитесь?

Сила и прямолинейность её вопроса заставляют меня гореть, мой член увеличивается даже быстрее, чем мой собственный гнев. Мне приходится сесть удобнее и убедиться, что пиджак застёгнут и прикрывает мою бушующую эрекцию. Я незаметно поправляю свой стояк, заставляя девушку ждать ответа. Это становится интересно.

Я останавливаюсь в футе от неё, слишком близко по стандартам ведения бизнеса, но не достаточно близко, чтобы проявить свои истинные намерения. И тогда спрашиваю:

— Вам кажется, что я с вами заигрываю, Ария?

Её красивые тёмные глаза широко раскрыты и всё, что я могу сделать, чтобы не наброситься на неё — это смотреть. Показать ей, не притягивая в свои объятия, насколько серьёзно я к ней отношусь, а не просто желаю трахнуть чуть позже.

— Я не знаю, — отвечает она через минуту. — В этом вся проблема. Я вас не понимаю.

— Это потому, что вы смотрите на меня неправильно, — я шагаю вперёд, нежно поглаживая девушку по щеке. — Но могу вас заверить, когда я буду вас трахать, то буду любить вас, будьте уверены.

Она отдёргивает голову назад от моего прикосновения.

— Значит, вы хотите от меня секс.

Мне нравится её прямота.

— От вас? Определённо.

— Я так и знала, — Ария хватает сумочку, которая висит на спинке стула, на котором она только что сидела. — Не хочу этих глупых условий. Можете оставить всё себе.

Девушка проходит мимо меня в сторону двери яростными, большими и быстрыми шагами. Я хватаю её за руку прежде, чем она получает возможность высказаться, чтобы сразиться со мной. Ария встречается со мной глазами, лоб в лоб, и смотрит на меня в упор с горячей злобой. Я могу видеть всё, что она из себя представляет: её силу, её внутренний стержень и желание свалить отсюда.

Я видел Арию мельком несколько часов назад, когда просматривал видеозапись, сделанную в игровом зале. Тогда я не обратил на неё внимание потому, что был слишком зол, размышляя сначала над всей ситуацией. Но глядя на девушку сейчас, я могу хорошо её рассмотреть. Желание контролировать себя и окружающий мир. Необходимость следовать своим собственным правилам, чтобы установить для себя границы, вместо того, чтобы их установил для неё мужчина, как в работе, так и в жизни.

Лёгкое возбуждение, которое росло внутри меня с того самого момента, как я открыл дверь кабинета, и нашел её, стоящую за ней, внезапно становится огромной необходимостью. Полномасштабной потребностью. Это не то к чему я готов, это внезапное, неуёмное желание прикоснуться, попробовать на вкус, изучать. Я потратил слишком много лет, работая над своим абсолютным контролем и своего окружения, чтобы потерять его из-за какой-то женщины. Независимо от того, какой сексуальной, умной, или реальной она является.

И всё же, какова альтернатива? Позволить ей выйти за дверь? Никогда не говорить с ней, не видеть её, не думать о ней снова? Я знаю себя достаточно хорошо, чтобы понимать, что это не сработает.

Ария плавится рядом со мной, её тело расслабленно и истомлено, когда она на меня смотрит. И всё же она бросает мне вызов.

— Вы должны отпустить меня, — её голос хриплый, но взгляд спокойный. Решительный.

Я обнимаю своими пальцами её предплечья, наблюдая, как она прижимает свой локоть к талии, а затем опускает руку в сторону. Девушка пристально смотрит на меня мгновение, словно пытается выяснить, что происходит. Почему так сложно заставить себя отпустить её, когда очевидно, что она готова сопротивляться. Когда возможно ей это нужно.

Но здесь не может быть и речи о согласии, ни мыслей о принуждении или давлении. Не при том, что я хочу сделать ей и с ней. Не для того, что я запланировал.

И поэтому я отступаю в сторону, удерживая разведённые руки ладонями вверх, в универсальном жесте молчаливого согласия. В глазах Арии появляется вспышка разочарования — такая мимолетная, что я мог бы пропустить, если бы не искал её, но, тем не менее, она там.

Это то самое подтверждение, которое мне было нужно, я чувствую, как расслабляюсь, как беспокойство покидает моё тело, словно его никогда и не было. Мой член по-прежнему твёрдый, в полной боевой готовности. Но хорошие вещи происходят с теми, кто умеет ждать, а терпение всегда было одной из моих сильных сторон.

— Мне нужно идти, — говорит Ария, и в голосе звучит вопрос, хотя пятнадцать минут назад там была только уверенность. Определённо.

Я киваю, указываю на дверь и со спокойной душой наблюдаю.

На мгновение она замирает. Девушка просто стоит там, глядя на меня, сжимая и

разжимая кулаки, её полная нижняя губа от волнения зажата в ловушке между зубов.

— Так я получила свою работу обратно? — спрашивает она.

— Да, конечно.

— Я могу выйти на работу завтра в обычное время?

— Совершенно верно.

— И нет подвоха?

— Подвоха?

— Мне не придётся трахаться с тобой, чтобы сохранить свою работу, — Ария выглядит немного смущённой, уточняя такую информацию, как-будто ожидает выговор за свою вульгарность. Но я люблю прямоту, мне нравится то, что она так откровенна и открыта. В будущем это сделает наши отношения намного проще.

— Твоя работа — твоя, не важно, что произойдёт, или не произойдёт между нами.

— Просто хочу убедиться, что мы откровенны. Ничего не случится между нами. Я не сплю с богатыми мужчинами.

— Тогда хорошо, что я не планирую много спать, не так ли?

— Мистер Кейн...

— Себастьян.

Похоже, что она хочет возразить, но, в конце концов, просто издаёт разочарованный вздох.

— Отлично. Себастьян.

— Мне нравится, как моё имя слетает с твоих губ, Ария, — мне нравится, как она его произносит.

— Поскольку ты играешь не честно, позволь мне внести ясность. Я не собираюсь тебя трахать.

— Ладно, — слова слетают с моего языка с той беспечностью, от которой по ощущениям я далёк.

Она выглядит подозрительно.

— Да ну? Действительно?

— А чего ты ожидала?

— Не знаю. Ты был так уверен раньше... наверное, я ожидала, что ты будешь расстроен и раздражён.

— Не вижу смысла расстраиваться из-за чего-то, над чем у меня нет абсолютно никакого контроля. Либо ты решишь “трахнуть меня”, - я использую её же слова намеренно, наслаждаясь, как она немного изгибается, как только они слетают с моих губ, — или ты не захочешь этого. В любом случае, решение за тобой. Я просто подожду.

— К сведению — ждать нечего.

Я ухмыляюсь, мне нравится её находчивость почти так же сильно, как и стойкость.

— Поживём — увидим.

— Мы увидим, — она замолкает, наклоняет голову, и я практически могу слышать, как крутятся колесики в её голове, когда девушка раздумывает о том, что собирается сказать. — Ладно. Да. Я буду здесь завтра. Для работы, — она разворачивается, чтобы уйти, шагая в сторону двери уверенной походкой своих длинных ног, которые я впервые заметил ещё на видео с её участием. Сначала я думаю, что она хочет уйти не оборачиваясь. Но Ария в последнюю минуту останавливается, сжимает в руке дверную ручку и смотрит на меня через плечо. — Спасибо тебе, — говорит она.

Так просто, подумать только, моё тело снова сжимается, мышцы напрягаются, пока по коже проходит жар. Мне нравится, как эти слова слетают с её губ. Не могу удержаться и представляю, как Ария говорит мне их по другой причине, в другое время, в другом месте.

— Не нужно благодарить меня.

Широкая улыбка быстро расползается от уголков её рта, заставляя меня страстно желать лизнуть девушку между губ.

— Конечно, нужно. Большинство парней в этом офисе уволили бы меня тут же и не стали бы задавать вопросы.

— Я не такой, как все.

— Да. Я это заметила, — она открывает дверь, но её пристальный взгляд не отрывается от моего. — Было приятно познакомиться с тобой, Себастьян Кейн.

— Очень приятно, Ария Уинстон.

Вот оно. То, что она говорит здесь, как преподносит вещи, точно определит, какой будет исход. Определит, уйду я и оставлю её в покое, или буду преследовать с намерением взять всё, что она может предложить, желая расширить её границы, её контроль, пройти точку не возврата и, даже дальше.

Ария прочищает горло, смотрит мимо меня, когда бормочет:

— Может, ещё как-нибудь увидимся в казино?

Попалась. Я почти ощущаю, как сейчас защелкнулись наручники на её тоненьких запястьях.

— Думаю, что это вполне возможно.

— Ах, да. Потому что оно тебе принадлежит.

— Потому что оно мне принадлежит, да.

— Тогда я не стану прощаться, вот. Просто спасибо. И увидимся позже.

Она выскальзывает за дверь, тихо закрывая её за своей спиной.

А я... я делаю единственное, что могу, учитывая сложившуюся ситуацию. Единственная вещь, о которой я могу думать, заставляет пульсировать член в штанах и занимает все мои мысли — мне нужно, чтобы Ария стала моей.

Я иду прямо через кабинет и тяну ручку, которая ведёт в мой личный туалет.

Закрываю за собой дверь, снимаю пиджак и расстёгиваю брюки.

И тогда я оборачиваю руку вокруг своего твёрдого как камень члена.

Облегчение наступает мгновенно, буквально от первого прикосновения. Я знаю, что не продержусь долго. И всё равно этого недостаточно, почти не достаточно.

Приваливаясь к раковине, я закрываю глаза. Двигаю рукой по всей длине медленно и томно. И представляю, что это Ария.

Ария, с её короткой юбкой и ажурными чулками на ногах длинной в милю, несёт поднос, рассекая пространство между столиками, как генерал, распределяющий свои войска.

Ария, с её полными губами и тёмными цыганскими глазами, укладывающая русского ублюдка на лопатки.

Ария, в своих узких джинсах и кружевной блузке сидит в кресле, в моём кабинете.

Ария со своим сладким телом напротив меня.

Ария бросает мне вызов.

Ария произносит: “Трахать”.

Ария.

Ария.

Ария.

Это не занимает много времени, прежде чем я кончаю, как подросток, с приглушённым стоном и оргазмом такой силы, что он забирает каждую унцию моего контроля на то, чтобы я остался в вертикальном положении. И всё-таки я не удовлетворён. Этого по-прежнему недостаточно.

Ни тогда, когда я всё ещё могу чувствовать её запах — вишня и ваниль, сладкие, как секс.

Ни тогда, когда я всё ещё чувствую её шикарную задницу, прижимающуюся к моему члену.

Ни тогда, когда я всё ещё хочу её.

Бл*дь. Бл*дь. Бл*дь. Я поворачиваю голову, вцепляюсь зубами в свой бицепс и ожидаю боли, которая поможет моему телу обрести контроль. Но на этот раз это не срабатывает. В этот раз резкое сжатие зубов только заводит меня ещё больше, потому что я представляю, что это она кусает меня на грани потери контроля.

Я опять твёрдый, или по-прежнему, и сейчас отрицание не входит в мой словарный запас. Поэтому я начинаю дрожить во второй раз. Я молюсь, наконец, привести мысли в порядок, запихнуть себя обратно в костюм, и что двух раз будет достаточно, чтобы удержать меня сосредоточенным. Удержать меня в здравом уме. И удержать меня от прыжка, как обезумевшее животное в следующий раз, когда я вижу её. Это не много, но на данный момент это весь контроль, на который я способен. По крайней мере, когда дело доходит до Арии.

Глава 5

Ария

Я чувствую, что он наблюдает за мной. Чувствую, как его глаза проходятся по моим волосам, моей груди, ногам. Это почти осязаемое ощущение, словно его руки скользят по мне, грубые ладони сжимают то мягко, то нежно, ложатся на плечи и спускаются вниз по голым рукам и чувствительной коже, сплетаясь с моими пальцами. Он везде: надо мной, возле меня, передо мной, позади меня, и я не могу сделать перерыв. Не могу отдышаться.

Это ощущается как прыжок с горячей сковородки прямо в открытый огонь. Ох, когда он смотрит на меня, то нет неуважения — это не похоже на то, как смотрит на меня мистер Сервантес, когда я ставлю перед ним рюмку с “Патроном”, и это не то, что я чувствую каждый раз, когда мистер Бенсон раздевает меня глазами, как только я к нему приближаюсь.

Конечно, это не означает, что приятно, когда кто-то на тебя пялится. Потому что это не так. Трудно чувствовать себя комфортно, когда твой босс — это босс босса и босс твоего босса, следит за каждым твоим движением.

Я пытаюсь убедить себя, что так оно и есть. Что это та причина, почему я так нервничаю, почему поскользнулась на “Абсолюте” с грейпфрутом рядом с миссис Торрес и задела локтем бокал с “Гленфиддихом” (прим. пер.: Glenfiddich — бренд шотландского односолодового виски) миссис Брандт, потому что я боюсь облажаться ещё раз перед своим боссом. Я боюсь делать что-то, за что меня могут уволить.

Но я никогда не была одной из тех, кто часто или хорошо занимается самообманом... Какой смысл, когда глубоко внутри я знаю правду. В данном случае, правда заключается в том, что прошло уже двадцать восемь часов с тех пор, как я вышла из офиса Себастьяна

Кейна и я до сих пор с трудом могу дышать, не задыхаясь от желания, думая лишь о нём.

Это глупо, настолько глупо, просто чувствовать себя потерянной в мужчине, после первой же встречи. Конечно, на самом деле ещё более глупо думать о том, чтобы переспать с ним. Я знаю, чем это закончится. Моя семья и его бизнес, моё прошлое и его настоящее, любое движение, временно объединяющее нас вместе, независимо от чего-то — это бомба замедленного действия.

Умом я всё это понимаю. Просто знаю, каково это спать с богатым человеком, каким-нибудь богачом как тот, что владеет казино в Вегасе — глупость несусветная. И всё же не перестаю думать, как он смотрел на меня вчера, когда я уходила от него из его кабинета; глаза Кейна, как зелёный лес и его лицо, на котором словно маска отпечатались пресловутое “хочу”, преследующее меня даже сейчас.

— Эй, Ария, — мистер Шинан привлекает моё внимание и машет мне рукой. Хотя я уже пыталась выяснить, как избегать щипков, я знаю, что это случится, но, в любом случае, останавливаюсь рядом с ним. И даже улыбаюсь, стараясь держать свою задницу подальше от него и игроков за столом.

— Что я могу для вас сделать, сэр?

— Ещё один “Мэйкерс Марк” (прим. пер.: Maker’s Mark — это чистый бурбон производимый в Кентукки) было бы не плохо, спасибо, — он держит пустой стакан, бренча льдом по дну.

— Сейчас сделаю, — я беру стакан и ставлю его в середине своего пустого подноса. — А вы что-нибудь ели? Как вы будете щипать меня, если не сможете встать из-за стола? — он сжимает кости, смотрит на меня, и я понимаю, почему мне не стоит его провоцировать. В кости везет не всегда. — Сегодня вечером кости пользуются популярностью.

Звук отражается словно эхо, когда он бросает кубики, и мы вдвоём наблюдаем, как они останавливаются на десяти. Дилер выплачивает ему и всем остальным на линии прохода, а затем снова собирает ставки.

— Видишь? — говорит он мне, когда берёт их снова. — Это счастливая ночь. Я не могу всё бросить.

— Я принесу вам меню от нашего магазина сэндвичей, — говорю я ему. — Так подойдёт?

— Звучит отлично, просто великолепно, — он кладёт пятидесяти долларовую фишку на мой поднос, а затем задерживает кости около меня и снова бросает. Я наблюдаю, и на этот раз, когда он выбрасывает двенадцать, весь стол взрывается от восторга.

Я использую его отвлечение, как возможность ускользнуть, но мистер Шинан должно быть видит, как я иду, потому что я получаю достаточно сильный шлепок по заднице, который заставляет меня подпрыгнуть, и почти расплескать его бокал “Патрона” со льдом на голову другого игрока.

Я вовремя себя останавливаю, а потом отправляюсь в бар, где снова работает Майкл. Я оставляю заказ мистера Шинана вместе с тремя другими, которые я взяла по пути, но когда кладу поднос с последними заказами на стойку, Майкл едва не замирает около меня.

И вот тогда я точно знаю, что чувство, которое меня преследовало, что за мной наблюдают, не просто игра моего воображения. Всё это реально. Насколько реально, что я чувствую горячее покалывание в основании своей шеи, но только потому, что Себастьян стоит там, позади меня.

Собираясь с силами, чтобы противостоять его воздействию на меня и увидеть его снова,

я с улыбкой разворачиваюсь. Конечно, он стоит там: хмурое лицо и ещё более мрачные зелёные глаза.

— Добрый вечер, мистер Кейн, — говорю я ему, поднимая уже тяжелый поднос, и аккуратно обхожу его.

Моё формальное использование его фамилии не воспринимается им хорошо — он ничего не говорит, но странно сжимает челюсти от моего обращения. И я не понимаю, почему Кейн здесь, на среднем этаже казино, где он знает, что все на нас пялятся. Назвать его Себастьян? Дать ему приблизиться ко мне, как я сделала вчера наверху?

Этого не случится. Единственная вещь, которая может оказаться хуже, чем спать с боссом — это когда твои коллеги думают, что ты с ним спишь. Не-а. Исключено.

Похоже, мужчина не понимает намёков. Вместо того чтобы заставлять сотрудников делать то, что они должны, чтобы казино исправно работало так же, как и каждую субботу, он разворачивается и следует за мной. Босс заходит слишком далеко, тащась за мной как собака, пока я разношу напитки между двух столов в дальнем конце зала игроков с большими ставками.

На этот раз я прокладываю свой путь через столики постоянных посетителей, где мне не приходится уворачиваться от чего-то, кроме пары блуждающих глаз. Каждый слишком занят тем, что пялится на Себастьяна. Новость, что он наследник Кейна, движется через зал с удивительной скоростью. Я была бы благодарна ему за присутствие и защиту, если бы не была так раздражена всей этой чертовщиной.

Ладно, дела идут относительно ровно, пока я не останавливаюсь за столом для игры в крэпс, около мистера Шинана, который просматривает меню из закуской, находящейся на другой стороне казино. Он благодарит меня за это и подмигивает, а затем, либо Себастьян не замечает, либо не достаточно беспокоится в его присутствии, но одна из его огромных лап с силой приземляется прямо на мой зад, заставляя меня подпрыгнуть. Этого более чем достаточно, чтобы я разлила два оставшихся на подносе напитки.

— Эй! — ладонь Себастьяна возникает из ниоткуда, оборачиваясь вокруг запястья мистера Шинана, и сжимает её до тех пор, пока у него не выпадают из ладони игральные кости. — Что же, будет справедливо, если теперь он будет расплачиваться сразу, — поясняет дилеру Себастьян, который с большим интересом наблюдает за происходящим. Я почти убеждена, что увижу, как она расскажет каждую деталь, которую смог запомнить, при первой же возможности.

— Катись к черту, приятель, — возмущается мистер Шинан. — Я на коне.

— Вы? Действительно? — спрашивает Себастьян, сжимая запястье мужчины ещё сильнее. — Мне кажется, что находиться в такой ситуации — это плохая примета для игры. Ведь вы не сможете бросить кости, если ваша рука находится в захвате, а это может стать проблемой для дальнейшего участия в игре.

Я с открытым ртом смотрю, как он угрожает одному из Китов, самому частому посетителю казино, тому, кто регулярно проигрывает несколько миллионов долларов, каждый раз, когда играет.

— В чём твоя проблема? — спрашивает мистер Шинан, голос звучит воинственно и зло, пока пытается стряхнуть железный захват Себастьяна.

Я кладу руку на предплечье Себастьяна, пытаюсь вмешаться, и не получаю ничего, кроме яростного взгляда, который говорит мне, чтобы я отстала.

— Моя проблема, — говорит ему Себастьян, — что это моё казино. И мне не нравится

смотреть, как какой-то мудака с манией величия, отвешивает шлепки и щупает тела моих сотрудников. Я не из тех, кто пройдёт мимо.

Он отпускает запястье мистера Шинана, но зрительный контакт между ними не прерывается. Не надо быть гением, чтобы понять, что я нахожусь в эпицентре того, как мужчины меряются членами, где Себастьян не имеет абсолютно никакого намерения проиграть.

“Кто пройдет мимо?” — я почти смеюсь от этой мысли. Не похоже, что у него есть шанс потеряться в этом аду. Не потому кем он является, а в силу того, как выглядит его лицо и глаза. У него есть полный контроль над этой ситуацией, и он никогда не сдастся. Не то, что я, которая пыталась избавиться от него всего пару минут назад. Или служба безопасности, которая кружит, как волки, только и ожидая приказа босса. И, наверняка, не мистер Шинан, который забросил игру и уже не выглядит таким же весёлым и сильным, каким выглядел пару минут назад.

В итоге мистер Шинан становится тем, кто отводит взгляд первым, явно останавливая себя от высказывания дальнейших претензий.

Я жду, что Себастьян скажет что-то ещё, чтобы унижить мистера Шинана тем, что он отвел глаза первым. Но я недооценила Себастьяна Кейна. Босс продолжает выглядеть очень цивилизовано, говоря:

— Спасибо, — перед тем, как кладёт руку мне на поясницу и направляет меня в сторону бара.

— Что, чёрт возьми, это было? — шиплю я, как только мы оказываемся вне зоны слышимости.

Он хладнокровно на меня глазеет.

— Это было для того, чтобы Кит больше не смел прикасаться к тебе, или любой другой официантке, которая работает здесь — снова. Я наблюдал за ним последние три часа и если у тебя не найдется, хотя бы одного синяка на заднице от него, я буду очень удивлён.

Он прав. Я уже могу ощутить боль на правой половине задницы, по которой тот неоднократно отвешивал шлепки. Я не скажу об этом Себастьяну, не хочу доставлять ему удовольствие выиграть и этот раунд тоже. Достаточно одного взгляда на выражение его лица, чтобы понять, он знает, что прав и совершенно этому не рад.

— Пойдём ко мне в офис, — говорит он, забирая из моих рук поднос с напитками, и ставит его на стойку рядом с Майклом, который пытается выглядеть так, будто он не подслушивает.

— Не могу, — отвечаю я ему, перегибаясь через стойку к подносу, на котором остались мои чаевые. Уверена, что выгляжу крохоборкой, но у меня есть квартира, которая должна быть оплачена и автомобиль, который отчаянно нуждается в новых покрышках. — В случае если ты не заметил, то я работаю.

— Ты не ходила на обеденный перерыв, — говорит он мне с уверенностью человека, который не привык к отказам. — Возьми его сейчас.

— Я не хочу брать его сейчас, — мой желудок выбирает этот момент, чтобы заурчать, выставляя меня лгуньей более эффективно, чем смог бы Себастьян. По правде говоря, я спорю просто из вредности, ведь фактически моё рабочее время закончилось, и перерыв начался пять минут назад. Но я не поступаю так, как мне говорят, не важно, будет ли это Себастьян или мой менеджер, который скажет, что пришло время.

— Тяжёлый случай, — говорит он и кладёт руку мне на спину, его вид неожиданно

становится более угрожающим. — Ты явно голодна, у тебя была тяжёлая бессонная ночь с этим ублюдком, и ты выглядишь так, словно собираешься упасть, если не подкрепишься. Бери грёбаный перерыв.

— Вероятно, сейчас самое подходящее время, чтобы сказать тебе, что я не очень хорошо реагирую на приказы, — рычу я на него. Вся правда в том, что мое альтер эго длинной в милю, и оно становится больше с каждым днем. Мой терапевт говорит, что это приходит из-за того, что всё свое детство, я делала именно то, чего всё время ждали от меня другие, вплоть до...

Я останавливаюсь, прежде чем не смогу вынырнуть, не позволяя себе увязнуть в прошлом, которое не в состоянии изменить и никогда не смогу контролировать. Тем более, у меня тревожное предчувствие на счёт Себастьяна и нашей игры. Если я потеряюсь в том, что произошло четырнадцать месяцев назад, то наше общение с Себастьяном станет абсолютно невозможным.

Я только собираюсь сказать что-то обидное, что уберёт руку Себастьяна с моей спины и скажет ему, куда он может засунуть свои приказы, когда подходит Дэвид.

— Всё окей? — незамедлительно спрашивает мой непосредственный начальник, его глаза бегают между Себастьяном и мной.

Я не дура. И знаю, что он спрашивает Себастьяна, и явно не ради моего благополучия, но я всё равно рада его увидеть. Тем более, что это дает мне возможность вернуться к работе.

— Всё отлично, — говорю я ему с поддельной улыбкой, удивляясь, как от притворства не трескается моё лицо. — Я собираюсь сделать ещё один круг по залу.

— На самом деле, я пришёл сюда, чтобы сказать, что тебе пора передохнуть, — говорит мне Дэвид. — Твоё рабочее время закончилось 10 минут назад.

Бл*дь. Серьёзно? С каких пор Дэвид отслеживает перерывы работников? Обычно мы те, кто должны искать его, чтобы напомнить, что нам пора отдохнуть. Ублюдок. Мало того, что Дэвид уволил меня две ночи назад, так теперь он хочет доказать, что хоть и частично, но контролирует мою жизнь.

— Она как раз собиралась это сделать, — говорит Себастьян, направляя меня рукой подальше от бара к лифту для персонала, расположенному позади кабинки службы охраны.

— Куда мы идём? — спрашиваю я, разрываясь между желанием снять каблучки или пойти за Себастьяном, просто, чтобы посмотреть, что он замышляет. Любопытство всегда было одним из моих самых больших пороков.

— В мой офис.

Я останавливаюсь прямо посреди оживлённого прохода казино.

— Мне нужно поесть, — говорю я ему, используя это как предлог, чтобы избежать его святая святых. Не хочу оставаться с ним наедине, мне нельзя оставаться с ним наедине. Не после вчерашнего. И, наверняка, не со всеми странными ощущениями, которые он во мне вызывает.

— Об этом позаботятся, — уверяет меня Кейн. Он вставляет свой ключ в замок, нажимает на кнопку вызова лифта и двери мгновенно открываются. Босс заводит меня внутрь и жмёт на кнопку верхнего этажа. Спустя несколько секунд двери тихо закрываются.

Не знаю, злиться мне или радоваться его доминированию. По правде говоря, я немного запуталась и, даже не пытаюсь скрывать свои эмоции, когда двери лифта открываются в приёмной возле его офиса. Очень удобно.

Себастьян подводит меня к своему кабинету, затем отступает и придерживает дверь открытой так, чтобы я могла войти первой. У меня занимает всего минуту, чтобы понять, что он имел в виду насчёт ужина, когда говорил, что об этом заботятся. В центре комнаты установлен небольшой стол, со стульями стоящими с двух сторон от него. Он накрыт причудливой скатертью, в центре которой находится небольшой букетик роз, а так же две тарелки, накрытые серебристыми крышками.

Я с опасением смотрю на Себастьяна, обдумывая происходящее. В моей голове едва укладывается тот факт, что у меня всё ещё есть работа. Этот роскошный обед да-а-а-леко вне зоны моего комфорта.

Он, должно быть, чувствует моё смущение, потому что начинает улыбаться, жестом указывая на стол.

— Это не то, что ты подумала, — уверяет меня Кейн. — Они просто пытаются сделать всё на высшем уровне, когда я что-то заказываю. Вот что значит быть боссом.

— Я не хочу с тобой встречаться, — говорю я ему напрямую.

Себастьян легко пожимает плечами.

— Это не свидание.

Теперь он удваивает моё любопытство. Это единственная причина, по которой я следую за ним к столу, позволяя ему выдвинуть для меня стул. Или, по крайней мере, так я говорю себе, когда присаживаюсь.

— Тогда что это?

— Давай назовём это встречей единомышленников.

Я сердито прищуриваюсь.

— Не уверена, что мы на самом деле единомышленники.

— Возможно, ты будешь удивлена, — он протягивает руку и поднимает крышку с моей тарелки, и всё, что я могу сделать — это попытаться скрыть свое удивление. Я представляла себе стейк или рыбу, но он заказал для меня пиццу. И не обычную, а пиццу с ананасом и свежей моцареллой, которую я просто обожаю.

— Как ты узнал? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами, потом поднимает крышку со своего блюда, показывая пиццу с начинкой из всего, что только можно было в неё положить.

— Наверное, мне просто повезло.

Да, точно, повезло.

Мой желудок урчит, и он снова кивает на мою тарелку.

— Ешь.

Время идёт, передо мной моя любимая пицца и становится всё более очевидным, что Себастьян не собирается позволить мне выйти из этой ситуации. Зная это, я могла бы даже насладиться этим. Ведь одна пицца не превратит всё это в свидание.

Он поддерживает разговор, пока я заталкиваю еду в рот. Но после второго куска, я наконец-то достаточно сыта, чтобы сказать, о чём думаю с тех пор, как он спас меня от похотливых лап мистера Шинана.

— Ты знаешь, что не можешь продолжать так делать, верно?

— Как делать? — спрашивает он, делая большой глоток своего напитка.

— Набрасываться на парней, потому что ты обеспокоен состоянием моей задницы.

Мгновенно его глаза меняют цвет с сочной летней травы на цвет тёмного, густого зелёного леса.

— Меня беспокоит состояние моего казино. Не уверен, какую к чертям политику вел здесь мой отец, но я против того, чтобы мои работники подвергались сексуальным домогательствам на работе. Любой из моих сотрудников, — подчеркивает он. — Не только ты. Я уже провёл встречу со старшим персоналом на эту тему.

Возмущение в его голосе успокаивает меня так, как не смогло бы успокоить ничто иное. Ох, я не настолько наивна, чтобы думать, что он заботится обо всех своих сотрудниках, приглашая в офис на обед из пиццы. Знаю, что ко мне особое отношение, потому что он хочет меня трахнуть, но в то же время, мне нравится, что это не только из-за меня. Что у него есть принципы вести честную игру, которая выходит за рамки того, что хочет его член.

Всё равно, я чувствую, что обязана предупредить его.

— Таким образом, ты начнёшь терять клиентов.

— Это не те клиенты, которыми стоит дорожить.

— На самом деле это не решит твои рабочие проблемы.

Он прищуривается, и впервые с тех пор как я встретила его, Себастьян выглядит высокомерно. Не просто немного заносчивым. Нет, он выглядит как все богатые мужчины, обладающие властью заставить людей прогнуться под его надменностью. Если это так очевидно мне, то Бог знает, как это влияет на кого-то ещё. Я так заведена, что поджимаю пальцы ног. Это проблема. Действительно, серьёзная проблема.

— Кто-то же должен принимать такие решения? — спрашивает он. — Это моё место.

Я не отвечаю, но мы оба это знаем. То, что “Атлантис” — место его отца, и хотя он может быть блудным сыном, который вернулся назад, это всегда будет тот отель, который построил Ричард Кейн.

— Я не утверждаю, что ты должен сидеть сложа руки, делай что хочешь. Но я считаю, что твои правила хорошие. Впрочем, мужчины с деньгами настоящие козлы. Так показывает опыт.

Он удивлённо поднимает бровь.

— Ох, серьёзно?

— Да, серьёзно. Возможно, бывают исключения.

— Только возможно?

— Я отложила вынесение окончательного приговора до тех пор, пока у меня не появится немного больше фактов.

Он кивает, будто я произнесла что-то, в чём есть смысл, когда в действительности, я даже не уверена, о чём говорю. Пытаюсь сдержаться, пытаюсь контролировать себя. Ведь влюбиться в богатого парня — владельца казино, ради Бога — это настолько за пределами моих планов на ближайшее десятилетие, что я едва понимаю, зачем нахожусь здесь, в его кабинете; ем пиццу и болтаю с ним, когда должна была взять пакетик чипсов и пойти в комнату отдыха для персонала.

— Всё, что я хочу сказать — это то, что ты можешь установить правила, как ты хочешь, чтобы они себя вели. Ты можешь, даже применять их. Но если им не понравятся твои ограничения, они найдут другое казино, чтобы проиграть свои двадцать миллионов долларов и ты потеряешь своих Китов, и большую часть своей прибыли.

— Я ценю твоё беспокойство, — говорит он мне. — Я знаю. Но у меня есть довольно хорошее предчувствие по поводу прибыли “Атлантиса”. И если на некоторое время в целях защиты моих сотрудников, нам придётся претерпеть финансовые убытки, то всё нормально, я справлюсь с этим.

— Ты же не серьёзно? — спрашиваю я. — Никто в здравом уме не станет говорить такое.

— Я стану. И более того, я именно так и поступлю, — он поднимается и наливает мне ещё пенного напитка, я отпиваю из стакана, едва ли в состоянии его проглотить.

— Что ты делал последние десять лет, когда ушёл? Жил в стране фантазий? В реальной жизни такое не сработает.

— Я был финансовым директором одного из крупнейших благотворительных фондов в мире. И в реальной жизни работает и не такое, если ты хочешь, чтобы оно работало.

— Да, хорошо. Если бы это было так... — я останавливаюсь прежде, чем успеваю сказать слишком много. Но неудивительно, что Кейн так наивен. Он провёл годы, работая на благотворительность, а я... я живу в жизни, где поступают совершенно иначе.

Но Себастьян не позволяет мне оставить мысль незаконченной. Я вижу это по хищному блеску в глазах и резкому передёргиванию плечами задолго до того, как он повторяет:

— Если бы это было так?

Я подбираю ответ, который удовлетворит его, но всё-таки позволит мне сохранить мои секреты.

— Если бы это было так, я бы не стала тратить свои ночи, работая на четырехдюймовых каблуках, лавируя между мужчинами, у которых денег больше, чем манер.

— Ты знаешь, что не должна этого делать.

Тревожный звонок... Всё замирает, и я настороженно наблюдаю за ним.

— Что это значит?

— Эти мужчины и казино. Есть и другая работа, которую ты можешь выполнять.

— Конечно, я не получаю чаевых по несколько сотен долларов за ночь. И к сведению, я не нуждаюсь в тебе и не жду, что ты как рыцарь в сияющих доспехах, бросишься исправлять мою жизнь за меня. Я учусь на собственных ошибках.

— Ты абсолютно права.

Голос звучит вполне искренне, когда он это говорит, но я до сих пор не вижу на его лице никаких признаков насмешки или сарказма. Не могу их увидеть, но это не значит, что я ему доверяю. Кейн может быть профи по защите прав рабочих, но парень всё равно остаётся богатым пареньком из Лиги плюща. Я ходила в школу с такими ребятами. Я знаю этот тип людей. Никто из них не поверит, что работа официантки в казино — это работа, за которую стоит бороться.

Себастьян делает ещё один глоток своего пива, наблюдая за мной поверх края стакана.

— Ты мне не веришь.

— Я не верю тебе. Просто пытаюсь выяснить, сколько дерьмовых ситуаций ты сможешь вынести, как думаешь.

— Большинство из них, — говорит он мне с усмешкой.

— Что же, довольно честно.

— Я всегда честен. Ложь для слабаков.

— Или отчаявшихся, — чувствую своим долгом, сказать это ему.

— Возможно.

Не возможно. Никогда не было. Меня бы здесь не было, я бы не жила такой жизнью, если бы у меня были другие разумные альтернативы.

— Слушай, давай уже ближе к делу? У меня есть только несколько минут, прежде чем я должна буду вернуться к работе.

— Отлично. Давай ближе к делу.

Я жду, когда он что-нибудь произнесёт, что действительно объяснит мне, почему я здесь, но он просто откидывается на спинку стула, закидывая лодыжку на колено другой ноги, и смотрит на меня глазами, которые видят слишком многое.

Я признаю, что он заставляет меня ждать его, чтобы доказать, что я имею такое же самообладание, какое есть у него. Но часы тикают, и с каждой минутой, которая проходит, мой желудок сжимается, а ладони потеют. Я ненавижу это чувство, ненавижу терять контроль, но он вынуждает меня. И ещё больше я ненавижу тот факт, что возможно, мне придётся остаться без ответов, которые я так отчаянно хочу получить.

— Я уже сказала тебе, что не собираюсь с тобой спать, — говорю ему после молчания, затянувшегося дольше, чем я в состоянии вынести.

— Ты говорила.

— Так зачем я здесь? Почему ты продолжаешь беспокоиться обо мне?

— Думаешь, всё дело в сексе?

Теперь я смеюсь. Не в состоянии себя остановить. Его вопрос смешон, особенно учитывая, что сексуальное напряжение между нами горит так ярко, что может осветить половину отелей на Стрипе.

— Не должно быть, но мой опыт подсказывает, что так и есть.

Недовольство мерцает в его глазах и на лице, но оно мигом исчезает, как только я его замечаю. И вот мы опять возвращаемся к ожиданию и молча, смотрим друг на друга.

— Тебе нравится твоя работа, — говорит Кейн. Мне бы поздравить себя за то, что заставила его нарушить тишину, но я помню, что Себастьян никогда ничего не делает, если он этого не захочет.

— Мне нравятся деньги, которые она приносит.

— Это всё, что тебе в ней нравится?

Я действительно никогда не думала об этом раньше, о том, действительно ли мне нравится работа, которую мне приходится выполнять. Я рада не быть под ногтем у своего отца. Мне нравится быть вдали от насилия и темноты, где это является образом жизни моей семьи. Я хочу идти своей собственной дорогой, даже если она будет опасной. Но работа сама по себе? Действительно ли мне она нравится?

— Она не плохая, — защищаюсь я. — Она оплачивает счета и этим она хороша.

— Ты в ней хороша, — соглашается он. — Но ты могла бы быть лучше.

— Ох, действительно? — теперь я оскорблена. Может быть, я та самая девушка, которая всегда лучшая в классе, или даже лучшая студентка одного из самых конкурентоспособных университетов мира. — И как же?

— Тебе не хватает контроля.

— Прости? Я работаю здесь больше года и тем вечером был первый раз, когда я потеряла самообладание.

— Я не сказал, что тебе не хватило самообладания, — Кейн склоняет голову, глядя на меня с прищуром, пока я понимаю, что он со мной играет. — Я сказал, что ты лишилась контроля.

Он допивает свое пиво, отставляя стакан в сторону. Затем встаёт и протягивает мне руку. Я начинаю отказываться... Я раздражена, и последнее, что хочу делать — это прикоснуться к нему прямо сейчас. Но есть что-то в выражении его лица, во взгляде, которым на меня смотрит Себастьян, что мой желудок делает сальто и дыхание застревает в горле.

Что заставляет меня понять, что отказаться от руки, которую он мне протягивает, является плохой идеей.

Поэтому я принимаю её, позволяя ему поставить меня на ноги. Я позволяю ему подвести себя к огромному панорамному окну, что занимает всю заднюю стену кабинета. Сейчас девять часов, и тьма наконец-то накрывает пустыню. Когда ты не знаешь, что тридцатью этажами ниже, на бульваре Стрип, где огни горят так ярко, что большую часть дня тебе кажется, словно ты находишься на вершине мира, солнце светит двадцать четыре на семь.

Себастьян снова стоит позади меня, его длинное, мускулистое тело прижимается ко мне от плеч до колен. Он тёплый и твёрдый, и, несмотря на то, о чём я думаю, он ощущается так хорошо, что хочется опереться на него. Чтобы согреться в его тепле и силе, которые исходят от него волнами.

— Я сегодня потратил слишком много времени, просматривая видео с твоим участием прошлой ночью, — шепчет он в моё ухо, пока его пальцы нежно поглаживают мои бёдра, мой живот, внешнюю часть моих ног. — Слишком много времени сегодня я видел тебя в деле.

— Ты шпионил за мной? — я пытаюсь изобразить обиду, но это сложно провернуть, когда весь вечер чувствуешь на себе его взгляд. Ещё труднее отойти, когда тело буквально тает в его объятиях.

— Я за тобой наблюдал, — он склоняет голову, его губы останавливаются всего в дюйме от моего уха, обдавая горячим дыханием мой затылок. — И ты знаешь, что я увидел?

— Что? — я не могу удержаться от вопроса, и не могу остановить своё тело от распространяющегося желания. Соски напрягаются, наливаясь кровью и требуя секса. Не знаю, что в нём такого, почему он так сильно меня заводит, но это так, словно моё тело признаёт его. Будто оно знает то, чего не знаю я.

— Кого-то, кто жаждет контролировать, как я. Кого-то, кто хочет контролировать себя, свою жизнь, свой мир.

— Это... это не правда.

— Не правда? — шепчет он.

— Нет. Я просто... я не хочу быть в чей-либо милости. Я хочу прожить свою жизнь так, как хочу жить я, не спрашивая никого, — почему моё дыхание так непостоянно? А моё сердце бьётся так быстро?

— Контроль, — говорит он мне снова. — Дисциплина. Сдержанность.

Слова пугают меня также, как и заводят. Или может, это просто то, как он обнимает меня и касается. Его губы скользят вверх по моей шее и челюсти.

— Я не... — мой голос ломается. — Я не знаю, чего ты от меня хочешь.

— Дело не в том, что я хочу от тебя, — говорит Кейн, продолжая осыпать горячими поцелуями мою щёку и уголок рта. — Дело в том, что я хочу тебе дать.

— И что это? — спрашиваю я, игнорируя сухость в горле.

— Скажи мне, Ария. Как много значит для тебя контроль? Как далеко ты готова зайти, чтобы получить его?

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net